

Автономная некоммерческая организация
по поддержке научно-исследовательской
и просветительской деятельности
«Спутник науки»

СПУТНИК ISSN 2782-5647
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

межвузовский научный журнал

№ 2 (13) | 2023

♦ ♦ ♦

выпуск

**Современное
право:
проблемы
и тенденции**

Modern Law: Problems and Tendencies

УСЛОВНАЯ ИНДЕКСАЦИЯ АВТОРОВ ПО СТАТУСУ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ АКТИВНОСТИ

молодой ученый, занимающийся разработкой отдельных аспектов какой-либо научной проблемы под руководством наставника или самостоятельно, имеет опыт исследовательской деятельности на уровне вуза, участвует в региональных научных конференциях;

представитель отдельного научного направления (научной школы), имеет ученую степень (звание), систематически участвует в межрегиональных научных форумах, располагает собственными (или в соавторстве) публикациями по исследуемой проблематике;

независимый исследователь или исследователь-практик, совмещающий научную и/или педагогическую деятельность с работой по основной профессии; располагает собственными (или в соавторстве) публикациями по исследуемой проблематике;

лидер региональной научной школы; развивает собственное научное направление; является признанным авторитетом в научном сообществе; располагает значительным количеством публикаций по исследуемой проблематике.

Редакция журнала «Спутник высшей школы» ведет прием авторских материалов в выпуски «Прикладная и фундаментальная экономика», «Современное право: проблемы и тенденции», «Социальные и гуманитарные науки», «Современный конституционализм: теория и практика», «Актуальные проблемы филологии, лингвистики, межкультурной коммуникации и массмедиа». Максимальный срок рассмотрения авторских текстовых оригиналов — 30 календарных дней. Статьи, не требующие глубокой редакторской обработки, проходят рецензирование и в случае позитивной оценки рецензентов размещаются на бесплатной основе.

Редакционный совет

БОЙКО Александр Иванович,
заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин
Южно-Российского института управления — филиала
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (ЮРИУ РАНХиГС),
доктор юридических наук, профессор (сопредседатель редакционного совета)

•••

БОНДАРЬ Николай Семенович,
судья Конституционного Суда РФ (2000–2020), главный научный сотрудник
Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ,
заведующий кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства
Южного федерального университета, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист РФ
(сопредседатель редакционного совета)

•••

АНТИПОВА Елена Павловна,
доцент кафедры административного и финансового права Сочинского филиала
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук

•••

АРЕФИНКИНА Екатерина Геральдовна,
заведующая кафедрой уголовного права и процесса Сочинского института (филиала)
Российского университета дружбы народов, кандидат юридических наук

•••

ГУНИНА Елена Николаевна,
доцент кафедры управления развитием пространственно-экономических систем
Южного федерального университета, кандидат экономических наук

•••

ИОНОВА Зинаида Николаевна,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургской юридической академии, кандидат исторических наук

•••

ЛАЗАРЕВ Владимир Александрович,
профессор кафедры перевода и информационных технологий в лингвистике
Южного федерального университета, доктор филологических наук

•••

МАЛИНЕНКО Эльвира Владимировна,
доцент кафедры конституционного и муниципального права
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (ЮРИУ РАНХиГС),
кандидат юридических наук, доцент

•••

МЕДВЕДСКАЯ Татьяна Константиновна,
доцент кафедры «Бухгалтерский учет, анализ и аудит»
Донского государственного технического университета, кандидат экономических наук

•••

НИКОЛАЕВ Сергей Георгиевич,
заведующий кафедрой английской филологии Южного федерального университета,
доктор филологических наук, профессор

•••

РАТЬКОВ Александр Николаевич,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Сочинского филиала
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
кандидат юридических наук, доцент

•••

СМЕЮХА Виктория Вячеславовна,
профессор кафедры теории и практики массовой коммуникации
Южного федерального университета, доктор филологических наук, доцент.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

<i>Разина Е. В., Ратьков А. Н.</i> Практическое значение теоретического определения категории «уголовная ответственность»	5
<i>Молохова О. Б.</i> <i>Научный руководитель: Ратьков А. Н.</i> История становления оперативно-розыскной деятельности в России	18
<i>Арефинкина Е. Г.</i> Историческое развитие положений об уголовном наказании несовершеннолетних в России	25
<i>Капустина М. А.</i> Российское государство и право: правовые особенности федеративной модели государственного устройства	30
<i>Городецкая Е. А.</i> Об усилении уголовно-правовой охраны избирательных прав граждан в современных условиях	36
<i>Михайлов А. Е.</i> Основные направления укрепления суверенитета Российской Федерации в условиях глобализации	43
<i>Ермолович В. И.</i> Влияние римского частного права на процесс исторической эволюции гражданского законодательства Беларуси	52
<i>Толмачева Е. Н.</i> Государственно-правовая форма России конца XX — начала XXI вв. через призму трансформации правоотношений государственной (общенародной) собственности	61

В МИРЕ ВУЗОВСКОЙ НАУКИ

Учебно-научная конференция как новый формат подачи учебного материала в вузе (<i>Ратьков А. Н.</i>)	73
---	----

УДК 343.1

DOI 10.55346/27825647_2023_2_05

Разина Е. В.

кандидат педагогических наук,
декан юридического факультета,
Сочинский институт (филиал)
Российского университета дружбы народов,
г. Сочи, Россия

© 2023

Дата приема:
01.03.2023

Ратьков А. Н.

кандидат юридических наук, доцент,
Сочинский филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия

ПРАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ «УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ»

Авторы, проанализировав существующие определения категории «уголовная ответственность», приходят к выводу о правильном подходе к ее пониманию как многоэлементного явления, реализующегося только в результате уголовно-процессуальной деятельности, направленной на привлечение лиц к уголовной ответственности. Практическое значение правильного теоретического определения исследуемой категории они показывают на примере таких составов преступлений, как привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ) и незаконное освобождение от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ). В результате анализа этих составов преступления обосновывается вывод о моменте их окончания и предлагаются изменения редакции ст. 300 УК РФ с целью устранения разночтений в определении момента окончания незаконного освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность; состав преступления; обязанность; осуждение; наказание; судимость; уголовное преследование; возбуждение уголовного дела; прекращение уголовного дела; привлечение в качестве обвиняемого.

Понятие уголовной ответственности является дискуссионным на протяжении длительного времени. Распространена точка зрения о том, что уголовная ответственность представляет собой обязанность лица, совершившего преступление, претерпеть меры государственного принуждения [1, с. 25; 2, с. 55; 3, с. 3; 4, с. 72-73].

Сторонники другого подхода отмечают, что это «реакция государства на совершение преступления, выражающаяся в осуждении преступного поведения лица государством и принудительном ограничении или лишении прав виновного лица, осуществляемом в рамках уголовного преследования» [5, с. 479]. Г. Г. Криволапов государственное осуждение (порицание) относит к начальному моменту уголовной ответственности, но «привязывает» его к вынесению судом обвинительного приговора. «До этого момента, — утверждает он, — имеет место юридическая обязанность — нести ответственность как структурный элемент уголовно-правового отношения. Реализация же указанной обязанности начинается лишь с осуждения виновного» [6, с. 72].

Известной является позиция ученых и о том, что уголовная ответственность — это совокупность уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений, опосредующих и выражающих государственно-принудительное воздействие на лицо, нарушившее закон [7, с. 71; 8, с. 177; 9, с. 48].

Перечисление точек зрения на сущность уголовной ответственности можно продолжать и продолжать. М. В. Лапатников и Н. В. Летёлкин, например, отметив в своем исследовании огромный разброс мнений и позиций по поводу содержания данной категории, обобщая более или менее схожие из них, определили не менее шести основных подходов к пониманию уголовной ответственности [10, с. 80–81].

Но, чем дальше, тем чаще от односложных дефиниций этой категории ее исследователи переходят к развернутому, «многоэлементному» понятию данного явления. В одном из учебников по уголовному праву, например, дается такое определение этому феномену: уголовная ответственность является «сложным социально-правовым последствием совершения преступления, которое включает четыре элемента: во-первых, основанную на нормах уголовного закона и вытекающую из факта совершения преступления обязанность лица дать отчет в содеянном перед государством в лице его уполномоченных органов; во-вторых, выраженную в судебном приговоре отрицательную оценку (осуждение, признание преступным) совершенного деяния и порицание (выражение упрека) лица, совершившего это деяние; в-третьих, назначенное виновному наказание или иной меры уголовно-правового характера; в-четвертых, судимость как специфическое правовое последствие осуждения с отбыванием назначенного наказания» [11, с. 53].

Такие же элементы уголовной ответственности приводит и Н. Н. Ковтун, проанализировавший все правовые позиции, высказанные в науке материального права о сущности рассматриваемой категории. При этом в его исследовании они приобретают следующие последовательность и наименования: «ответственность-обязанность», «ответственность-осуждение», «ответственность-наказание» и «ответственность-судимость» [12, с. 38].

Суть элемента «ответственность-обязанность», исходя из концепции ее сторонников, он видит в том, что именно в момент совершения деяния, предусмотренного уголовным законом, возникает объективная обязанность лица, совершившего преступление, дать ответ за содеянное в форме осуждения, наказания и судимости.

Смысл элемента «ответственность-осуждение» в трактовке Н. Н. Ковтуна заключается в публичном (от имени государства) осуждении, порицании общественно опасного деяния и совершившего его лица в форме признания деяния преступлением, а лица преступником.

Элемент «ответственность-наказание» раскрыт цитатами приверженцев именно такого понятия уголовной ответственности (И. С. Самощенко, М. Х. Фарушкина, А. Б. Сахарова, О. Э. Лейста, А. Ф. Черданцева), утверждавших, что вся правовая ответственность состоит в применении к правонарушителю юридических санкций, в том числе наказания, без которого нет уголовной ответственности.

Особенность позиции «ответственность-судимость» вытекает из того, что, даже полностью отбыв наказание, лицо, совершившее преступление, достаточно длительный период может (должно) оставаться в правовом и фактическом положении обязанного перед государством и реально претерпевать негативные последствия судимости как объективного правового состояния личности.

Интересен вывод автора по итогам обобщения существующих позиций: «... элементы уголовной ответственности нельзя (и не надо!) противопоставлять друг другу, поскольку, потенциально присутствуя в этом явлении, они проявляются не все и не сразу, а по мере развития уголовно-правового отношения. Последнее, в свою очередь, в состоянии объективироваться исключительно посредством отношений уголовно-процессуальных — как единственного средства указанной объективации...» [12, с. 38]. После такого заключения уместно привести суждения различных авторов, помимо чаще всего цитируемого К. Маркса, о взаимосвязи уголовного права и процесса. Представитель уголовного материального права А. В. Наумов соотношение этих двух отраслей законодательства характеризует следующим образом: «... без норм уголовно-процессуального права, приводящих в действие уголовно-правовые нормы, последние существовали бы только на бумаге» [13, с. 94]. Он же вместе с известным американским юристом, профессором Колумбийского университета Дж. Флетчером приходят к выводу о том, что «... нормы материального уголовного права определяют вину в принципе, а нормы уголовного процесса — вину фактическую» [14, с. 78]. Известный процессуалист А. Д. Бойков, касаясь этого вопроса, утверждает: «Общеизвестной является мысль о том, что уголовный процесс есть единственно возможный способ реализации уголовного закона. Уголовный закон, призванный оградить личность, общество и государство от преступных посягательств, мертв, пока не будет в рамках процессуального права возбуждено, расследовано и рассмотрено дело о преступлении и вине преступника» [15, с. 90].

А раз это так, то и уголовная ответственность будет «мертва», пока в рамках уголовного процесса не будут предприняты предписываемые уголовно-процессуальным законом действия. Неспроста мэтр, или как его еще называют, патриарх российского уголовного процесса М. С. Строгович разделял уголовную ответственность в материально-правовом смысле, основанием которой является «действительная и доказанная вина», и процессуальную уголовную ответственность, выражающуюся в вынесении «акта, которым гражданин ставится в положение обвиняемого по уголовному делу». Исходя из этого, процессуальная уголовная ответственность рассматривалась им как необходимая предпосылка для реализа-

ции материально-правовой уголовной ответственности [16, с. 16]. И в таком подходе к пониманию уголовной ответственности он был не одинок¹.

Обоснованность выводов о необходимости понимания уголовной ответственности как многоэлементного явления, реализуемого посредством поэтапной деятельности в ходе уголовного судопроизводства, нагляднее всего, как представляется, можно увидеть при анализе деяний, признаваемых преступлениями, в случае привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности (ст. 299 УК РФ) и в случае незаконного освобождения от уголовной ответственности (ст. 300 УК РФ). Именно в этих ситуациях для принятия правильных практических решений огромное значение приобретает теоретическое обоснование сущности уголовной ответственности. Именно эти составы преступлений наиболее ярко демонстрируют невозможность их применения в отрыве от уголовного процесса. И еще, о чем они свидетельствуют в первую очередь, так это о несостоятельности воззрения на уголовную ответственность как на ответственность, наступающую только со вступлением обвинительного приговора суда в законную силу. Если до приговора суда уголовная ответственность еще не проявилась, то, как можно усматривать состав преступления в действиях следователя и дознавателя за незаконное привлечение или освобождение от того, что еще не наступило. Исходя из смысла составов преступлений, предусмотренных ст. 299 и 300 УК РФ, их субъектами выступают лица, наделенные УПК РФ правом на осуществление предварительного расследования (следователь, дознаватель, руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания). Раз они могут — в нашем случае незаконно — или привлечь к уголовной ответственности, или освободить от нее, значит, законодатель признает наличие уголовной ответственности задолго до того, как будет вынесен приговор по делу.

Когда в теории уголовного права нет четкого ответа на вопрос о моменте начала действия уголовной ответственности, то и на практике проблематично определить, когда конкретно состоялось привлечение к этому виду ответственности и что является моментом освобождения от нее. Отчасти и поэтому, как в комментариях к ст. 299 УК РФ, так и в учебной литературе, момент окончания преступления в виде привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности трактуется по-разному. Например, некоторыми авторами обтекаемо моментом окончания преступления указывается вынесение постановления и предъявление обвинения. При этом они не раскрывают, что конкретно понимать под предъявлением обвинения [17, с. 542; 18, с. 324]. «Преступление считается окончанным, — пишут приверженцы этой точки зрения, — в момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявлении обвинения» [17, с. 542]. «Объективная сторона состава, — дополняют авторы другого комментария, — заключается в незаконных действиях — привлечении заведомо невиновного к уголовной ответственности. Это привлечение состоит из двух действий: вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого и предъявления обвинения лицу. Преступление окончено с момента совершения указанных действий» [19, с. 558]. В этих

¹ См., например: Фаткуллин, Ф. Н. Обвинение и судебный приговор: монография. — Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1965. — С. 14; Лившиц, Ю. М. Материальное содержание основания уголовной ответственности // Правоведение. — 1963. — № 3. — С. 156.

разъяснениях не учитывается то, что согласно УПК РФ вынесение постановления о привлечении в качестве обвиняемого и его предъявление могут быть разорваны во времени. А вся процедура привлечения лица в качестве обвиняемого включает в себя и третий этап: немедленный допрос обвиняемого после предъявления ему постановления и разъяснения сущности обвинения (ст. 172–173 УПК РФ). Без совокупности этих действий нельзя считать, что привлечение в качестве обвиняемого состоялось.

Выводы других авторов на предмет окончания этого же преступления более конкретны, но противоположны друг другу.

Так, делается заключение о том, что данное преступление окончено с момента вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого независимо от времени предъявления обвинения этому лицу [20, с. 110–111; 21, с. 593], в то время как другие считают, что окончено оно может быть только фактом предъявления лицу сформулированного в постановлении обвинения [22, с. 691–692; 23, с. 605]. «Если по тем или иным причинам акт предъявления лицу постановления о привлечении его в качестве обвиняемого не состоялся, — указывают сторонники этой позиции, — следует считать, что привлечение лица к уголовной ответственности не имело места» [22, с. 692]. Б. В. Коробейников, также сторонник этого взгляда, уточняет в своем комментарии к данной статье УК РФ: «Если было вынесено только постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого, то состав преступления не будет считаться оконченным, так как без предъявления этого обвинения «привлечения» еще не произошло» [24, с. 747].

Уже упоминавшиеся М. В. Лапатников и Н. В. Летёлкин один из выводов своего исследования, посвященного дискуссионным вопросам соотношения уголовной ответственности и привлечения лица в качестве обвиняемого, формулируют следующим образом: «Несмотря на указанное разнообразие в подходах, большинство исследователей едины в том, что уголовная ответственность начинается задолго до судебного решения о виновности лица в совершении преступления. Большинство правоведов связывают начало привлечения к уголовной ответственности с этапом привлечения лица в качестве обвиняемого. Именно этот взгляд мы определяем доминирующим, как в советской, так и в российской уголовно-правовой и процессуальной науке» [10, с. 81]. Однако и в таком случае, как мы увидели, «стартовая площадка», запускающая процедуру привлечения к уголовной ответственности, должна быть конкретизирована. В перечисленных позициях окончания состава преступления, предусматривающего ответственность за привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, правильной можно было бы признать ту, в которой обосновывается окончание преступления с момента предъявления лицу постановления о его привлечении в качестве обвиняемого, которым он становится после вынесения постановления (п. 1 ч. 1 ст. 47 УПК РФ). Согласно требованиям УПК РФ, в этот момент уполномоченное лицо разъясняет обвиняемому сущность обвинения и, таким образом, до конца проявляет свой умысел придать юридическую силу заведомо для него незаконному процессуальному акту с целью привлечь к уголовной ответственности невиновное лицо.

Но, во-первых, все указанные ситуации имеют отношение только к предварительному следствию. Порядок придания статуса обвиняемого в процессе расследо-

вания уголовного дела — хоть в форме дознания в общем порядке, хоть в сокращенной форме дознания — совсем другой. Следовательно, к этим случаям названный момент начала привлечения к уголовной ответственности не подходит. Судья Верховного Суда РФ (в отставке), заслуженный юрист РФ, к. ю.н., доцент П. Е. Кондратов, являясь автором комментария к рассматриваемой статье УК РФ, затрагивает уже и деятельность дознавателя, указывая, что объективная сторона в этом случае выражается ... в составлении и утверждении обвинительного акта. В пункте 4 своего комментария он разъясняет: «Преступление признается оконченным с момента подписания следователем, дознавателем постановления о привлечении в качестве обвиняемого¹ или составления дознавателем обвинительного акта, так как в силу ч. 1 ст. 47 УПК именно с момента вынесения этих процессуальных решений лицо признается обвиняемым, независимо от того, было ли обвинение предъявлено обвиняемому и наступили ли для последнего какие-либо неблагоприятные последствия» [25, с. 908–909]. Такая позиция применительно к следователю рассматривалась выше и более правильным нами признан другой подход, обосновывающий необходимость не только вынести эти процессуальные акты, но и предъявить их.

Во-вторых, если исходить из всеми признаваемого элемента уголовной ответственности, заключающегося в необходимости лица, испытывающего на себе ее действие, претерпевать лишения личного или имущественного характера, нести определенные лишения и ограничения прав, предусмотренных законом, то момент начала действия уголовной ответственности может наступить гораздо раньше момента привлечения лица в качестве обвиняемого. Особенно это актуально при современном порядке расследования уголовного дела в форме дознания, при котором обвинение формулируется в самом конце дознания, когда выполнены все необходимые следственные и другие процессуальные действия, собрана достаточная совокупность доказательств, подтверждающих предварительную виновность лица в инкриминируемом ему деянии. За время расследования, до предъявления обвинения, составления обвинительного акта (при дознании в общем порядке) или обвинительного постановления (при дознании в сокращенной форме), незаконно привлекаемое к уголовной ответственности лицо уже может «натерпеться» от примененных к нему на основании закона различных мер уголовно-процессуального принуждения (задержание, избрание меры пресечения, отстранение от занимаемой должности, арест имущества и т. п.) или от участия в других процессуальных действиях (выемка, обыск, освидетельствование, очная ставка, получение образцов для сравнительного исследования и т. п.). Если после всего этого, допустим, будет выявлен злой умысел следователя, дознавателя и они не успеют вынести названных процессуальных актов, то и привлечение их по ст. 299 УК РФ не состоится? Они не совершили никаких общественно вредных действий по привлечению заведомо невиновного к уголовной ответственности? Фактически невиновный человек не прочувствовал на себе до придания ему статуса обвиняемого никаких лишений и ограничений? Уголовная ответственность его еще не коснулась? Вопросы оказываются риторическими.

¹ Право вынести постановление о привлечении в качестве обвиняемого и предъявить его в порядке, прописанном для следователя, дознавателю предоставляется лишь в исключительных случаях, поэтому нет необходимости в рамках статьи останавливаться на этой процедуре.

Е. Н. Бархатова, например, отталкиваясь от понимания уголовной ответственности как возникающей с момента привлечения лица в качестве обвиняемого обязанности отвечать за совершенное им преступление, в эту обязанность включает возможность подвергаться применению мер уголовно-процессуального принуждения [26, с. 134]. Да, но только возможность подвергаться применению мер уголовно-процессуального принуждения на законных основаниях возникает и до момента привлечения лица в качестве обвиняемого. Меры процессуального принуждения могут применяться и к подозреваемому (ст. 100 УПК РФ). А принудительный «заряд» некоторых процессуальных действий, не являющихся мерами принуждения и допускаемых до придания лицу статуса обвиняемого в отношении фактически любых участников, нисколько не меньше отдельных мер принуждения (выемка, обыск, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, контроль и запись переговоров и т. п.). То есть, лишения и ограничения личного и имущественного характера (суть уголовной ответственности) участник расследования уголовного дела испытывает задолго до момента, когда следователь или дознаватель сочтут необходимым придать конкретному участнику расследования статус обвиняемого.

В целях конкретизации момента возникновения уголовной ответственности, прежде всего для практических нужд, осмелимся предложить следующее. Поскольку уголовный материальный закон основанием уголовной ответственности закрепляет наличие в деянии всех признаков конкретного состава преступления (ст. 8 УК РФ), а уголовно-процессуальный закон установление признаков состава преступления достаточными данными называет основанием для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ), вполне обоснованно, представляется, моментом возникновения уголовной ответственности считать момент установления состава преступления, а процессуальным актом, устанавливающим начало реализации уголовной ответственности, следует признать постановление о возбуждении уголовного дела. Именно постановление о возбуждении уголовного дела является правовым основанием применения процессуальных средств, существенно ограничивающих права и свободы привлекаемого лица, т. е. вызывающих последствия, представляющие собой суть содержания уголовной ответственности.

Следовательно, моментом окончания преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ, будет являться факт возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица. А вот в случае возбуждения уголовного дела не в отношении конкретного лица, а по факту преступного деяния, моментом окончания незаконного привлечения к уголовной ответственности будет выступать момент предъявления лицу обвинения в совершении преступления, которого это лицо не совершало.

Практически такой же вывод был сделан одним из авторов данной статьи еще в 2007 году [27, с. 73–74], и, получается, он по-прежнему остается актуальным. На таком же моменте окончания преступления в виде привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности стали настаивать и авторы некоторых современных учебников по уголовному праву. Так, Л. А. Прохоров и М. Л. Греков в обоснование своего суждения о том, что данное преступление считается оконченным с начала уголовного преследования, т. е. возбуждения уголовного дела в отноше-

нии конкретного лица или привлечения его в качестве подозреваемого, ссылаются на постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 года, из которого цитируют: «При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела» [28, с. 744].

Думается, о правильности такой позиции свидетельствует и изменение названия и редакции ст. 299 УК РФ, которая до 2016 года носила название «Привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности», а с декабря 2016 к этому названию добавлено «... или незаконное возбуждение уголовного дела». И пусть незаконное возбуждение уголовного дела относится только к предпринимательской сфере, но законодатель «связал» этот момент именно с незаконным привлечением к уголовной ответственности, косвенно подтверждая идентичность незаконного возбуждения уголовного дела и незаконного привлечения к уголовной ответственности.

Такой подход к пониманию начала действия уголовной ответственности помогает правильно определить и момент окончания преступления, предусмотренного ст. 300 УК РФ «Незаконное освобождение от уголовной ответственности». Констатировать единое мнение о моменте окончания и этого преступления, увы, не представляется возможным. В целом ряде комментариев к УК РФ в отношении данного состава утверждается, что «... преступление следует считать окончанным с момента вынесения и подписания мотивированного постановления о прекращении дела с освобождением лица от уголовной ответственности» [22, с. 695; 17, с. 542; 29, с. 622; 30, с. 914–915]. Л. В. Иногамова-Хегай в учебной литературе утверждает: «Нельзя согласиться с мнением, что формой незаконного освобождения от ответственности является вынесение постановления об отказе в возбуждении уголовного дела... На стадии возбуждения уголовного дела нет ни подозреваемого, ни обвиняемого» [23, с. 607]. Подозреваемый и обвиняемый упоминаются потому, что они названы в диспозиции ст. 300 УК РФ как лица, в отношении которых может быть принято решение о незаконном освобождении от уголовной ответственности.

В то же время в учебнике, изданном намного позже процитированного, в характеристике объективной стороны этого же преступления читаем: «Состав преступления является формальным, оно считается окончанным с момента вынесения постановления об отказе в возбуждении уголовного дела или о прекращении уголовного дела и уголовного преследования» [28, с. 745–746].

Ю. И. Кулешов, будучи несогласен с таким подходом, в посвященной этой проблеме публикации, тем не менее, приводит шесть учебников по Особенной части уголовного права под редакцией известнейших ученых, в которых момент окончания незаконного освобождения от уголовной ответственности так же связывается с вынесением постановления об отказе в возбуждении уголовного дела [31, с. 107].

Такие разночтения возникают, как представляется, из-за негативного фактора, присутствующего в конструкции данного состава, когда допущено использование сочетания уголовно-правовых и уголовно-процессуальных терминов. Указание законодателем конкретных участников уголовного судопроизводства — подозреваемого и обвиняемого — как лиц, только в отношении которых и может быть принято решение о незаконном освобождении от уголовной ответственности,

сужает круг лиц, фактически подлежащих привлечению к уголовной ответственности, но еще не получивших статус подозреваемого или обвиняемого. Именно такая оговорка законодателя и позволяет отвергать незаконный отказ в возбуждении уголовного дела в отношении таких лиц в качестве момента окончания анализируемого состава преступления. В то же время, высшая судебная инстанция в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности», указывает, что «... освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)». Естественно, если к тому есть законом предусмотренные основания. Но, если таких оснований нет, а лицо, фактически совершившее преступление, уполномоченными представителями государства освобождается от обязанности понести лишения и ограничения, связанные с совершением преступления, то, почему в этом случае это лицо (фактически преступник) обязательно должен быть лицом с процессуальным статусом подозреваемого и обвиняемого. Если на момент принятия решения были собраны необходимые данные, подтверждающие наличие в деянии конкретного человека определенного состава преступления, но вместо возбуждения уголовного дела умышленно вынесено постановление об отказе в таковом, разве этого недостаточно, чтобы считать рассматриваемый состав преступления окончанным.

И вот на что еще необходимо обратить внимание. Оставляя в диспозиции ст. 300 УК РФ указания на подозреваемого и обвиняемого, законодатель провоцирует следователя и дознавателя до акта незаконного освобождения от уголовной ответственности совершить, возможно, и другие преступления. Ведь если уполномоченные лица «задумали» незаконно освободить от уголовной ответственности совершившего преступление человека, то они согласно действующей редакции статьи сначала должны придать ему статус подозреваемого или обвиняемого. А это может быть связано с необходимостью задержания лица, что является в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 46 УПК РФ основанием для придания лицу статуса подозреваемого, или необходимостью избрания меры пресечения (может быть, и заключения под стражу) до предъявления обвинения, что также «материализует» подозреваемого (п. 3 ч. 1 ст. 46 УПК РФ). То есть, прокладывая себе путь к совершению незаконного освобождения от уголовной ответственности, следователь и дознаватель попутно совершают другие преступления: незаконное задержание, незаконные заключение под стражу и содержание под стражей (ст. 301 УК РФ).

Чтобы лицо в ходе предварительного следствия стало обвиняемым, в отношении него нужно составить постановление о привлечении его в качестве такового (п. 1 ч. 1 ст. 47 УПК РФ). А мы помним, что именно на таком моменте и настаивают определенные процессуалисты, как на моменте окончания преступления, предусмотренного ст. 299 УК РФ. То есть, зная, что уголовное дело нужно будет прекращать (раз решено незаконно освободить от уголовной ответственности), следователь, тем не менее, вынужден составить еще один незаконный процессуальный акт — постановление о привлечении в качестве обвиняемого, в котором ему следует сформулировать обвинение, заранее зная, что впоследствии от этого обвинения нужно будет отказаться, вынося постановление о прекращении уголовного

дела или уголовного преследования с целью незаконного освобождения от уголовной ответственности.

Дознавателю, чтобы наделить участника процесса статусом обвиняемого, нужно полностью провести дознание или в общем порядке, или в сокращенной форме, и лишь в конце расследования вынести обвинительный акт (п. 2 ч. 1 ст. 47 УПК РФ) или составить обвинительное постановление (п. 3 ч. 1 ст. 47 УПК РФ), которыми и оформляется статус обвиняемого. То есть, дознаватель оказывается вынужденным в ходе всего расследования фальсифицировать доказательства (ст. 303 УК РФ), чтобы потом иметь возможность прекратить уголовное дело, незаконно освобождая обвиняемого от уголовной ответственности. Ситуация напоминает абсурд, но, согласно конструкции анализируемого состава преступления, абсурд вполне возможный!

В этой связи позволим себе еще раз сослаться на сделанный одним из авторов настоящей статьи в ранее указанной публикации вывод, позволяющий избежать спрогнозированной ситуации. С целью устранения разночтений и для придания составу незаконного освобождения от уголовной ответственности «рабочего» состояния следует из признаков объективной стороны исключить упоминание о подозреваемом и обвиняемом. В измененной конструкции состава предусмотреть ответственность не за незаконное освобождение от дискуссионной уголовной ответственности, а за конкретные незаконные действия, ведущие к такому освобождению: незаконный отказ в возбуждении уголовного дела, незаконные прекращение уголовного дела или уголовного преследования.

Хотя и сегодня, при действующей редакции ст. 300 УК РФ, в последних комментариях к УК РФ разъясняется, что по смыслу этой статьи решение об освобождении заведомо виновного лица от уголовной ответственности может быть принято в отношении лица, по поводу которого существуют основания для подозрения или обвинения в совершении преступления, независимо от наличия или отсутствия конкретного процессуального решения, наделяющего это лицо соответствующим статусом (см. ст. 46, 47 УПК РФ), в связи с чем наличие состава незаконного освобождения от уголовной ответственности может быть констатировано, в том числе, в случае безосновательного отказа в возбуждении уголовного дела [32]. Но такой вывод всё равно базируется на предположении и не позволяет считать его единственно правильным. Предложение авторов данной статьи, как представляется, позволит уйти от разночтений в констатации наличия преступного факта в действиях уполномоченных на принятие решений об освобождении от уголовной ответственности должностных лиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брайнин, Я. М. Уголовная ответственность и ее основание. — Москва, 1963.
2. Варпаховская, Е. М. Спорные вопросы соотношения категорий «привлечение в качестве обвиняемого» и «привлечение к уголовной ответственности» / Е. М. Варпаховская, А. А. Радченко // Вестник Академии Генеральной прокуратуры РФ. — 2007. — № 2 (2). — С. 55-56.
3. Карпушин, М. П. Уголовная ответственность и состав преступления / М. П. Карпушин, В. И. Курляндский — Москва: Юрид. лит-ра, 1974.

4. Сагитдинова, З.И. Состав привлечения заведомо невиновного к уголовной ответственности в аспекте взаимосвязи норм уголовного и уголовно-процессуального права/З.И. Сагитдинова, В.П. Ефремов // Право и государство: теория и практика. — 2012. — № 12 (96).
5. Келина, С.Г. Понятие уголовной ответственности // Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. — Москва: Спарк, 2001.
6. Уголовное право: учебник для юридических вузов/под ред. заслуженного деятеля науки РФ, д. ю.н., проф. Н.И. Ветрова, заслуженного деятеля науки РФ, д. ю.н., проф. Ю.И. Ляпунова. — [2-е изд., испр. и доп.] — Москва: Юриспруденция, 2001.
7. Гальперин, И.М. Взаимодействие государственных органов и общественности в борьбе с преступностью. — Москва: Юрид. лит-ра, 1972.
8. Огурцов, Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве. — Рязань: Рязан. высш. шк. МВД СССР, 1976.
9. Стручков, Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978.
10. Лапатников, М.В. Дискуссионные вопросы соотношения уголовной ответственности и привлечения лица в качестве обвиняемого (часть 1) / М.В. Лапатников, Н.В. Летёлкин // Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2021. — №2(54). — С. 79–84.
11. Уголовное право России. Общая часть: учебник под ред. А.И. Рарога. — Москва: Институт международного права и экономики им. А.С. Грибоедова, 1998.
12. Ковтун, Н.Н. Диалектика уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений в контексте сути, содержания и процесса реализации уголовной ответственности // Российская юстиция. — 2022. — № 1. — С. 36–40.
13. Наумов А.В. Некоторые аспекты соотношения УК РФ и УПК РФ // Государство и право. — 2002. — № 10. — С. 91–96.
14. Флетчер Дж., Наумов А.В. Современные концепции уголовного права. — Москва, 1998.
15. Бойков, А.Д. Новый УПК РФ, его правовая и криминологическая характеристика // Государство и право. — 2002. — № 9. — С. 87–96.
16. Строгович, М.С. Уголовный процесс. — Москва: Юриздат, 1964.
17. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.И. Радченко. — Москва: Вердикт, 1996. — 648 с.
18. Уголовное право: Часть Общая. Часть Особенная. Вопросы и ответы / под ред. А.С. Михлина. — Москва: Юриспруденция, 2000.
19. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Ю.В. Грачева, Л.Д. Ермаков [и др.]; отв. ред. А.И. Рарог. — [5-е изд., перераб. и доп.]. — Москва: ТК «Велби», Проспект, 2008. — 672 с.
20. Курс советского уголовного права: в 6 т. — Т. 6. — Москва, 1971.
21. Уголовное право: учеб. для юридических вузов / под ред. Н.И. Ветрова и Ю.И. Ляпунова. — Москва: Юриспруденция, 2001.
22. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. Ген. прокурора Российской Федерации, профессора Ю.И. Скуратова и Председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева. — Москва: Изд. группа ИНФРА-М — Норма, 1996. — 832 с.

23. Уголовное право РФ. Особенная часть: учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рарога, А. И. Чучаева. — Москва: Инфра-М, Контракт, 2006.
24. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. д. ю. н., профессора С. В. Дьякова и д. ю. н., профессора Н. Г. Кадникова. — Москва: Юриспруденция, 2008. — 872 с. (Автор комментария к исследуемой статье: Коробейников Б. В.).
25. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. — [14-е изд., перераб. и доп.]. — Москва: Юрайт, 2014. — 1077 с.
26. Бархатова, Е. Н. Доктринальные вопросы уголовной ответственности в российском уголовном праве // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 8. — С. 128–135.
27. Ратьков, А. Н. Уголовная ответственность: одна — в теории, другая — на практике // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международной научно-практической конференции. — Москва: ТК «Велби», Проспект, 2007. — С. 70–74.
28. Российское уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. д-ра юрид. наук, проф., заслуженного юриста РФ В. П. Коняхина и д-ра юрид. наук, проф. М. Л. Прохоровой. — Москва: Контракт, 2015. — 928 с.
29. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В. М. Лебедев. — Москва: Юрайт, 2001.
30. Учебный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / отв. ред. А. Э. Жалинский. — М.: Эксмо, 2005.
31. Кулешов, Ю. И. Незаконное освобождение от уголовной ответственности: проблемы уголовно-правовой регламентации и практики применения ст. 300 УК РФ // Бизнес в законе. — 2006. — № 1–2. — С. 106–108.
32. Комментарий к ст. 300 УК РФ. — URL: <https://stykrf.ru/300> (дата обращения: 05.02.2023).

Razina E. V.

*candidate of pedagogical sciences, Dean of the Faculty of Law,
Sochi Institute (branch) Peoples' Friendship University of Russia, Sochi, Russia*

Ratkov A. N.

*PhD in Law, Associate Professor, Sochi branch All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

THE PRACTICAL SIGNIFICANCE OF THE THEORETICAL DEFINITION OF THE CATEGORY "CRIMINAL RESPONSIBILITY"

Having analyzed the existing definitions of the category of "criminal responsibility", the authors come to the conclusion about the correct approach to its understanding as a multi-element phenomenon, which is realized only as a result of criminal procedural activities and aimed at bringing people to the criminal responsibility. They show the practical significance of the correct theoretical definition of the category under study using the example of such elements of a crime as bringing a knowingly in-

nocent person to criminal liability (Article 299 of the Criminal Code of the Russian Federation) and illegal release from criminal liability (Article 300 of the Criminal Code of the Russian Federation). As a result of the analysis of these elements of a crime, the conclusion about the moment of their termination is substantiated and amendments to the wording of Article 300 of the Criminal Code of the Russian Federation are proposed in order to eliminate discrepancies in determining the moment of termination of illegal exemption from criminal liability.

Key words: criminal liability; corpus delicti; duty; conviction; punishment; previous conviction; criminal prosecution; a criminal case initiation; a criminal case termination; an involvement as an accused.

УДК 343.1

DOI 10.55346/27825647_2023_2_18

Молохова О. Б.

*студентка 4 курса юридического факультета,
Сочинский филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия*

© 2023

*Дата приема:
03.03.2023*

Научный руководитель: Ратъков А. Н.

*кандидат юридических наук, доцент
Сочинский филиал Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России),
г. Сочи, Россия*

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

В данной статье речь идет о зарождении и развитии оперативно-розыскной деятельности со времен Древнерусского государства и по настоящее время.

Ключевые слова: *сыск; уголовный розыск; нормативные акты; оперативно-розыскная деятельность.*

Эволюция оперативно-розыскной деятельности (далее также — ОРД) в России берет своё начало в IX веке, во времена Древней Руси, что неразрывно связано с развитием российской государственности и права. Историю отечественной сферы ОРД условно принято разделять на пять периодов:

1. С IX в. по XIII в.
2. С XIII в. по XVIII в.
3. С XVIII в. по начало XX в.
4. С начала XX в. (после 1917 г.) по 1991 г.
5. С 1991 г. по настоящее время.

Первый период развития сыскной деятельности характеризуется ее становлением как разновидности государственной деятельности и зарождением первых правовых источников, регламентирующих основы сыска. Некоторые методы проведения сыска находят законодательное закрепление в сборнике правовых норм XI в. — Русской Правде, упоминающей о таких методах, как «свод», который предполагал установление виновного в краже и розыск украденного; «гонение следа», который использовался при розыске преступника, скрывшегося с места преступления, а также «закличи», что представляло собой объявление о совершенном преступлении в людном месте с требованием воз-

врата похищенного. В редакции Русской Правды описывался порядок применения этих методов.

Первоначально Древняя Русь не имела специальных органов уголовного сыска. Установление преступника, обнаружение похищенного имущества и доказывание его вины было возложено на самих потерпевших, но в последующем, уже в Русской Правде упоминались некие «вирники» — представители княжеской администрации, которые осуществляли розыск преступников, избличали их, судили и исполняли наказание путем взимания штрафов.

Известный историк-ученный В. О. Ключевский, толкуя терминологию административно-судебных учреждений Древней Руси, называет и такую категорию слуг княжеской администрации, как «емец» — чиновник, который арестует (емлет) виновного или подозреваемого, — названный впоследствии «доводчиком», а также «тиун», в обязанность которого входил розыск, отправление правосудия и сбор судебных пошлин.

Естественно, Русская Правда не дает полной картины организации розыскных действий при раскрытии преступлений в эпоху Древнерусского государства. Однако в летописях имеются документы, свидетельствующие о том, что уже в то время для раскрытия преступлений активно применялись негласные средства. Так, отмечается, что в 1071 году по княжескому велению воеводой Яном Вышатичем были направлены для разоблачения белозерских волхвов-смердов некие «тайные агенты».

Во время второго периода развития оперативно-розыскной деятельности, в течение довольно продолжительного времени, функции полицейских учреждений осуществлялись в Российском государстве центральными и местными органами власти (приказами, приставами, воеводами). Их деятельность регламентировалась Судебником Ивана III (1497 г.) и Ивана IV (1550 г.), согласно которым розыском и следствием стали заниматься Земский и Разбойный приказы.

В 1649 году было принято Соборное Уложение, являвшееся первым полным собранием законодательных актов России. В нем, в том числе, были закреплены положения, направленные на упорядочение сложившихся ранее форм и методов розыска и следствия и обеспечение расширения сыскной сферы за счет совершенствования системы доказательств. Особое внимание Уложение уделило розыскному процессу по так называемым «государевым делам», т. е. политическим преступлениям. Не устанавливая точно органов, которые должны были вести производство по таким делам, не излагая процедуру сыска, закон требовал от всех подданных активного участия в избличении государевых преступников. В то же время появились специальные лица, которые получали полномочия от князя вести розыск в городах (наместники, волостели). Для поимки разбойников из центра периодически посылались так называемые особые сыщики.

К числу основных методов розыска в данный период относились: «повальный обыск», заключающийся в опросе всех жителей территории, на которой проводился розыск; «поличное», то есть обнаружение и изъятие у подозреваемого похищенного имущества и других вещественных доказательств; личное признание подозреваемого. При этом особое значение придавалось использованию таких мер, как негласное выведывание, использование тайных подсыльщиков.

Учрежденный в 1655 году Приказ тайных дел, будучи исполнительным органом, осуществлял контроль за расследованием деяний, направленных против существующего строя и непосредственно против царя. Приказ контролировал деятельность других приказов гласно — путем затребования различных сведений и отчетности, проверки делопроизводства, и негласно — путем рассылки подьячим секретных наказов о контроле некоторых послов и воевод. И хотя Приказ тайных дел упразднили в 1676 году, он по праву может считаться родоначальником органов политического сыска в Русском государстве.

Третий период, начавшийся с воцарением Петра I, знаменателен реформированием всего существующего в России государственного аппарата управления. Сыскная служба в Российской империи петровских времен стала прообразом современной оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации. Именно тогда была создана регулярная полиция — специальный государственный аппарат, отделенный от общеадминистративных органов управления, и положено начало законодательному регламентированию ее деятельности. Задач у полиции было много, но основной была борьба с преступностью и розыск преступников. В целях укрепления этой деятельности в 1711 году была введена должность генерал-фискала, получившая законодательное закрепление в Указе императора от 17 марта 1714 года «О должности фискалов». Этот законодательный акт являлся первым нормативным документом, в котором эти органы были определены как сыскные. В Указе были четко разграничены функции фискальных служб различной иерархии: обер-фискалов, обер-фискалов, провинциал-фискалов, городских и низших (рядовых). Фискальная служба являлась сугубо тайной, ее сотрудники обладали кругом весьма существенных полномочий, в том числе по осуществлению наружного наблюдения, вызову и допросу лиц, которые могли располагать сведениями о «злоумышленнике». Не исключались также провокационные действия и даже пытки.

В этот же период образуется орган политической полиции — Канцелярия тайных розыскных дел (1718 г.), издается специальная инструкция (1719 г.), согласно которой создавались розыскные команды для поимки беглых солдат, крестьян и разбойников. В первой четверти XVIII века функции органов политической полиции выполняли Преображенский приказ и Тайная канцелярия. Петр I лично знакомился с делами Преображенского приказа, выносил решения, в которых излагались организационно-тактические методы розыскных и следственных действий.

После смерти Петра I полномочия Канцелярии тайных розыскных дел были значительно расширены. Основным способом получения Канцелярией информации о политических преступлениях стал донос. В 1730 году создается Сыска приказ, а в 1746 г. — Особая экспедиция по делам воров и разбойников.

Во второй половине XVIII века Канцелярия тайных розыскных дел была упразднена. Ее функции перешли к местным полицейским органам — в Управы благочиния. Розыск и дознание стали осуществлять частные приставы. В своей деятельности они использовали преимущественно личный сыск, а также информацию случайных или постоянных осведомителей из местных жителей. Документально такие контакты не оформлялись, не было и нормативно-правового обоснования применения методов сыска.

Несмотря на многочисленные попытки реформирования, предпринимавшиеся в XVIII веке, сыскная деятельность оставалась неупорядоченной, вновь создаваемые учреждения существовали недолго и быстро заменялись новыми. Определенные меры были предприняты в начале XIX века, в период очередного глубокого преобразования всей системы государственной власти в России.

8 сентября 1802 года были учреждены министерства, в том числе Министерство внутренних дел, в составе которого был выделен специальный орган политического сыска — Особенная канцелярия Министерства внутренних дел, а с 1811 по 1819 гг. — Особенная канцелярия Министерства полиции, осуществлявшая также функции контрразведки.

Тем не менее на фоне непрекращающегося роста преступности этих мер было явно недостаточно, что вынуждало власти предпринимать некоторые организационные меры. Основной правовой базой борьбы с преступностью становится изданный в 1832 году Свод законов Российской империи. В соответствии со Сводом, состоявшим из двух частей — законов «О преступлениях и наказаниях вообще» и законов «О судопроизводстве по преступлениям», — на полицию возлагалось осуществление следствия и исполнение приговора. Предварительное следствие, в том числе и розыскные действия по делу, инициировались при наличии определенных законом поводов. Одним из них было собственное усмотрение полиции. Право ведения расследования по уголовным делам законодательство предоставляло весьма широкому кругу должностных лиц и органов: от нижних земских судов, различных присутствий (полицмейстер, частный и следственный приставы) до особых чиновников, выделяемых МВД, либо комитета, состоявшего из чиновников различных ведомств и возглавлявшегося офицером жандармского корпуса.

Упоминание об использовании в сыске специальных методов можно обнаружить в Инструкции следственной комиссии Третьего отделения, которая была создана на месте Особой канцелярии МВД в 1826 году для «разбора» пойманных особыми средствами воров, мошенников и беглых каторжников. «Специальные средства» составляли приемы, схожие по содержанию со способами, разработанными первым главой французского Главного управления национальной безопасности Э.Ф. Видоком — негласное наблюдение, осведомительство, организация притонов-ловушек, внедрение сыщиков в преступную среду и т.д. В Наказе полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступление или проступок (утвержден в 1860 году), и в Уставе уголовного судопроизводства (1864 год) на полицию возлагалось осуществление дознания «путем сбора всех нужных ей сведений посредством розысков, словесных расспросов и негласного наблюдения». То есть, в отличие от современного содержания дознания и следствия в тот период эти виды деятельности включали в себя и негласные методы сбора информации.

Неуклонный рост преступности и отсутствие эффективных средств противостояния ей вынудили имперских чиновников предпринять более радикальные шаги. В 1866 году при канцелярии полицейского управления Санкт-Петербурга был создан первый специализированный орган уголовного розыска — небольшая сыскная часть под руководством И. Д. Путилина, главной задачей которой был об-

щеуголовный сыск. В ее составе было 22 сыщика. Так, Петербургская сыскная часть стала прообразом службы уголовного розыска в России.

Вслед за Петербургом, в 1881 году, при Канцелярии московского полицмейстера также появилась сыскная часть, формирование структуры которой завершилось принятием закона от 6 июля 1908 г. «Об организации сыскной части». В соответствии с ним в 89 городах Российской империи для организации розыска по общеуголовным делам в структуре полицейских управлений образовывались сыскные части. В 1913 году на международном съезде криминалистов в Швейцарии московская сыскная полиция была признана лучшей в мире. Такого пика своей популярности она достигла благодаря Кошко Аркадию Францевичу, главному «сыскарю» царской России — русскому Шерлоку Холмсу. А. Ф. Кошко наряду с И. Д. Путильным являются самыми известными и титулованными сыщиками России.

На съезде начальников сыскных отделений при обсуждении законопроекта о реформе полиции было высказано предложение о создании централизованного уголовного розыска по особо важным делам, а также об учреждении подвижных бригад уголовной полиции. Департамент полиции начал проводить кардинальную реформу в области уголовного розыска.

К концу XIX — началу XX в., кроме сыскной полиции, оперативно-розыскную деятельность осуществляли Отдельный корпус жандармов и военная контрразведка.

Четвертый период (советский) отличает коренной перелом в развитии сыскной деятельности: создание новых (с учетом социалистического правосознания) учреждений и органов, осуществляющих ОРД, и изменение правовой регламентации их работы. После Октябрьской революции жандармские управления и полицейские участки были разгромлены и сожжены, многие полицейские арестованы. Временное правительство издало постановление об упразднении Департамента полиции, а 19 марта 1917 года был распущен Отдельный корпус жандармов, а его дела переданы военному ведомству. Однако в 1917 году при Министерстве юстиции образовывается Бюро уголовного розыска, куда были включены и прежние сыскные отделения. Они действовали до образования уголовно-сыскных аппаратов в составе Народного комиссариата внутренних дел (НКВД).

Уголовный розыск в Советской России был создан 5 октября 1918 года Постановлением НКВД РСФСР, утвердившим «Положение об организации отделов уголовного розыска». Общее руководство уголовным розыском на местах было возложено на организованное в составе Главного управления рабоче-крестьянской милиции НКВД РСФСР Центральное управление уголовного розыска — Центророзыск.

Наряду с ведомственными актами, оперативно-розыскная деятельность регулировалась в Советском государстве на законодательном уровне. В соответствии со ст. 93 УПК РСФСР 1923 года допускалась негласная проверка оперативно-розыскными органами анонимных заявлений о совершенных и готовящихся преступлениях.

Дальнейшее развитие ОРД в нашей стране связано с бесконечной реорганизацией оперативно-розыскных органов. В относительно короткий исторический промежуток времени субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, выступали Народный комиссариат внутренних дел (НКВД), Народ-

ный комиссариат государственной безопасности (НКГБ), военная контрразведка «Смерш», Министерство государственной безопасности (МГБ), Комитет государственной безопасности (КГБ), Министерство внутренних дел (МВД) и др.

В 1950-е гг. руководство страны реализует курс на т.н. «десталинизацию» правоохранительной системы. В связи с этим ЦК КПСС принял постановление от 12 марта 1954 года «Об основных задачах МВД». В органах внутренних дел была проведена внеочередная аттестация сотрудников оперативных аппаратов (уголовного розыска, отдела по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС), исправительно-трудовых учреждений (ИТУ)).

Первой попыткой легализации понятия агентурно-оперативной работы и его замены на родовой термин «оперативно-розыскные меры», одинаково обязательный для разведки, контрразведки и милицейского сыска, можно считать принятие Верховным Советом СССР 25 декабря 1958 года Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, где в ст. 29 определено, что органами дознания являются органы милиции и другие уполномоченные законом учреждения и организации, а также командиры воинских частей и начальники военных учреждений. На органы дознания возлагалось принятие необходимых оперативно-розыскных мер в целях обнаружения признаков преступления и лиц, их совершивших. Такая формулировка, несмотря на ее ограниченность и расплывчатость, позволила спецслужбам и органам внутренних дел применять в негласной работе специальные силы, средства и методы для защиты интересов личности и государства от внешних угроз и для борьбы с преступностью. Данная норма Основ была конкретизирована в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик, принятых их Верховными советами в 1960–1961 гг. Так указанный термин обрел единое легитимное наименование. В этих законах ОРД рассматривалась уже как социально обусловленная и необходимая мера. Например, в УПК РСФСР возможность проведения ОРД органами дознания закреплялась в ст. 118, где указывалось, что «на органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-розыскных и иных предусмотренных уголовно-процессуальным законом мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших».

8 июня 1973 года увидел свет Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об основных правах и обязанностях советской милиции по охране общественного порядка и борьбе с преступностью», в котором подтверждалось право специальных подразделений милиции осуществлять оперативно-розыскные меры. Подпунктом 2 п. 6 к числу основных обязанностей милиции было отнесено принятие необходимых мер к пресечению совершаемых преступлений и других правонарушений общественного порядка, а также предусмотренных законом оперативно-розыскных мер в целях обнаружения преступлений и лиц, их совершивших.

Пятый (современный) период развития оперативно-розыскной деятельности является переломным с точки зрения совершенствования всех уровней правового регулирования ОРД и формирования структуры специализированных органов, осуществляющих ОРД. Сегодня в систему подразделений, осуществляющих ОРД, входят: органы внутренних дел, органы федеральной службы безопасности, Федеральный орган исполнительной власти в области государственной охраны, таможенные органы, Служба внешней разведки, Федеральная служба исполнения наказаний.

13 марта 1992 года Верховным Советом РФ был принят первый открытый законодательный акт, регламентирующий ОРД, — Закон РФ № 2506–1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (утратил силу), но в связи с принятием 12 декабря 1993 г. новой Конституции РФ потребовалось приведение всей системы законодательных актов в соответствие с ее требованиями. В этой связи 12 августа 1995 года был принят Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ, который служит правовой основой организации этого вида деятельности в настоящее время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Климов, И. А. Оперативно-розыскная деятельность: учебник / И. А. Климов, Е. С. Дубоносов, Л. Л. Тузов. — Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.
2. Румянцев, Н. В. Развитие оперативно-розыскной деятельности с древних времен до XX века / Н. В. Румянцев, О. И. Мальчук // Вестник МГЛУ. — 2016. — Вып. 3 (742).
3. И. Д. Путилин, А. Ф. Кошко. На страже Отечества. Уголовный розыск Российской империи: Эксмо, 2022.
4. Басков, В. И. Оперативно-розыскная деятельность: учебно-методическое пособие. — Москва: БЕК, 1997.
5. Елинский, В. И. История уголовного сыска в России (X — начало XX в.). — Москва, 2004.
6. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. — Т. 3. — № 1515.

Molokhova O. B.

*4th year student of the Faculty of Law,
Sochi branch of the VGUU (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

Academic Supervisor: Ratkov A. N.

*PhD in Law, Associate Professor, Sochi branch All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Sochi, Russia*

THE HISTORY OF THE FORMATION OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES IN RUSSIA

The article deals with the origin and development of operational investigative activities from the Ancient Russian state to the present.

Key words: detective work; criminal investigation; regulations; operational investigative activity.

УДК 343.1 (019)

DOI 10.55346/27825647_2023_2_25

Арефинкина Е. Г.

кандидат юридических наук,
заведующая кафедрой уголовного права и процесса
юридического факультета Сочинского института
Российского университета дружбы народов, г. Сочи, Россия

© 2023

Дата приема:
26.12.2022

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПОЛОЖЕНИЙ ОБ УГОЛОВНОМ НАКАЗАНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИИ

Без осмысления исторических реалий невозможно анализировать направления эволюции отечественного уголовного законодательства, поскольку устойчивость правовых норм проверяется преимущественно условиями их развития. Институт наказания несовершеннолетних в своем развитии прошел долгий и сложный путь. Его становление находилось в тесной взаимосвязи с состоянием социальной, экономической и политической ситуации в стране, а также задачами уголовной политики.

Ключевые слова: наказание несовершеннолетних; уголовное законодательство об ответственности несовершеннолетних; несовершеннолетний нарушитель.

Развитие уголовного законодательства о наказании несовершеннолетних в нашей стране сложно себе представить без осмысления его эволюции, поскольку устойчивость и жизнеспособность правовых норм всегда проверяется историческими реалиями.

Нужно отметить, что изначально уголовная ответственность несовершеннолетних мало чем отличалась от уголовной ответственности взрослых, с которыми подростки наказывались фактически наравне, без учета возрастных особенностей. Это было связано с отсутствием в юридической науке того времени понимания того, что детство должно относиться к особо защищаемому периоду в жизни человека, в связи с чем и не существовало системы специальной защиты детей в судах и тюрьмах.

Уголовное Уложение 1903 г. включило в себя все прогрессивные положения, которые существовали на тот момент не только в российском, но и в зарубежном праве. Законодатель устанавливал различные возрастные категории, влияющие на наказание несовершеннолетних, регламентировал особенности его индивидуализации и особо отмечал недопустимость совместного содержания несовершеннолетних со взрослыми осужденными [3, с. 159]. Вместе с тем неопределенность при выборе вида наказания и критериев его назначения имели негативную тенденцию в правоприменительной деятельности. К середине XIX века отчетливо стал про-

являться тот факт, что наказание зачастую превращается не в борьбу с преступностью несовершеннолетних, а в «истребление виновных».

22 января 1910 года был торжественно открыт Санкт-Петербургский суд по делам несовершеннолетних. Огромное значение в деятельности суда по делам несовершеннолетних имел институт попечителей. Для организации попечительского наблюдения российская правовая практика использовала две формы, регламентированные законом: 1) ответственный присмотр, который носил характер предварительного испытательного наблюдения и, по сути, успешно выполнял функцию условного осуждения, отсутствовавшую в тот период в законодательстве; 2) ответственный надзор, представлявший собой меру, назначаемую по приговору суда. То есть в начале XX века уже высказывались достаточно прогрессивные мнения относительно применения наказания к несовершеннолетним, которые не потеряли своей актуальности и по сей день. Таким образом, отечественному законодателю в тот период удалось сформировать достаточно развитую и последовательную систему уголовной ответственности несовершеннолетних при сохранении широких рамок судебного усмотрения.

Серьезные изменения в уголовно-правовой политике в части норм о наказании несовершеннолетних aprизошли после революции 1917 года и распада Российской империи.

Законодатель сделал попытку ухода от дореволюционных положений о смягчении ответственности несовершеннолетних, построив вслед за известной песней «наш новый мир» в том числе и в сфере юриспруденции, приняв, как тогда казалось новому революционному правительству, более прогрессивные нормативные акты, которые почти полностью заменили наказание лиц до достижения ими семнадцати лет комплексом воспитательных мер. Уголовное законодательство этого периода, допускало назначение наказания подросткам лишь в исключительных случаях (совершение несовершеннолетним особо тяжких преступлений против жизни и злостный рецидив) [2, с. 40]. При всей внешней позитивности произошедших изменений на фоне плачевной социально-экономической ситуации в стране и того, что множество детей остались беспризорными и безнадзорными, произошел значительный всплеск преступности в детской среде, что породило необходимость создания системы профилактики преступности. Хотя законодательные меры в отношении наказания несовершеннолетних были не достаточно продуманы, в целом нужно отметить прогрессивную идею молодого Советского государства об отказе применения к несовершеннолетним мер, связанных с лишением свободы. В тот период к ним применялись в основном лишь медико-педагогическое воздействие и условное осуждение. Таким образом, к середине 1920-х гг. в России зародились гуманистические начала в сфере уголовного производства по делам несовершеннолетних с минимальным применением карательных мер, а также наметились пути к решению проблем охраны жизни несовершеннолетних, предупреждения правонарушений в их среде на государственном уровне.

Уголовное законодательство 1930–1940-х гг., исходя из господствовавшей в тот период общегосударственной политики скорейшей ликвидации преступности, отличалось карательным упрощенным подходом к борьбе с преступностью

несовершеннолетних, которая рассматривалась как антисоциалистический элемент, требующий немедленного искоренения преимущественно методами репрессии [1, с. 218].

Дальнейшее усиление уголовного наказания в отношении несовершеннолетних было обусловлено реалиями военного времени Великой Отечественной войны 1941–1945 гг, которые детерминировали рост детской беспризорности, преступности. Это обстоятельство объективно ограничило развитие социальной помощи подросткам и потребовало концентрацию всех государственных ресурсов и мощностей в военной и производственной сферах. В силу объективных исторических причин декларативные положения о правах и свободах человека были парализованы общей установкой обеспечения прежде всего интересов государства при игнорировании интересов отдельной личности. В связи с этим фактическими (а не провозглашенными в законодательстве) целями наказания стали не исправление и перевоспитание осужденных, а их изоляция. Начиная с 1941 г. и до принятия Основ уголовного законодательства в 1958 г., положение было таково, что по подавляющему количеству преступлений ответственность несовершеннолетних наступала с 14 лет, по незначительному кругу преступлений — с 12 лет. История уголовной политики России показала, что репрессивными мерами невозможно сократить детскую преступность. Усиление уголовных мер без усиления профилактической работы с подростками не способствовало сокращению преступности. В результате изменений, произошедших в уголовном законодательстве, в угоду главенствующей тогда концепции принуждения как универсального средства борьбы с преступностью был забыт накопленный ранее опыт мер воспитательного характера. Ошибочность принятого направления была очевидна на практике. В отсутствие возможности применения к несовершеннолетним преступникам мер воспитательного характера, часто назначались реальные наказания на непродолжительный срок. Это приводило к плачевным результатам. Осужденные подростки, общаясь в местах лишения свободы со взрослыми преступниками либо с неоднократно судимыми сверстниками, возвращались домой после отбывания наказания, усвоив новые асоциальные взгляды, привычки, наклонности, которых у них не наблюдалось до этого [1, с. 25]. Печальные последствия чрезмерной строгости наказания к несовершеннолетним того периода ощущались в Советском государстве спустя многие годы. Подростки, прошедшие тюремную «школу», уже «на воле» начинали жить по криминальным законам, которые очень четко и быстро впитывали «на зоне». Многие известные криминальные авторитеты того времени начали свою «карьеру» именно в несовершеннолетнем возрасте, в котором такую важную роль играет реакция эмансипации, потребность в самореализации и наличии авторитета, желание подражать значимым сверстникам и взрослым.

Уголовно-правовая и процессуальная реформа 1950–60-х гг. учла, что строгость наказания в отношении несовершеннолетних не является панацеей от роста преступности среди данной категории лиц и ведет к их ещё большей криминализации в среде закоренелых преступников, поэтому в тот период возраст уголовной ответственности повысился до 14 лет за совершение наиболее тяжких преступлений, опасность которых доступна пониманию в этом возрасте, а для уголовного наказания за совершение иных преступлений был определен возрастной порог в шестнадцать лет.

УК РСФСР 1960 года имел достаточно большое количество норм, регулирующих специфику уголовной ответственности несовершеннолетних, рассредоточенных по всему кодифицированному нормативному акту. Поэтому становился очевидным недостаток, связанный с отсутствием отдельной главы, посвященной этим вопросам. Кроме того, отдельные положения УК РСФСР 1960 г., ориентированные на учет возрастной специфики несовершеннолетних, не были должным образом конкретизированы и формализованы.

В Уголовный кодекс РФ 1996 г. были включены многие положения ранее действовавшего законодательства об уголовной ответственности несовершеннолетних. Необходимо отметить, что в нем впервые законодатель предусмотрел специальный раздел, посвященный несовершеннолетним, что было логичным и последовательным шагом законодателя, который учел в нормах уголовного права социально-психологические особенности данной возрастной категории. Это было прогрессивной инициативой, призванной максимально содействовать достижению целей уголовного наказания. Действительно, влиять на ресоциализацию несовершеннолетних необходимо путем использования в первую очередь воспитательных и профилактических мер. Наказание же, связанное с лишением свободы, стоит рассматривать как крайнюю меру, применять которую нужно лишь тогда, когда испробованы все остальные способы воздействия, в том числе и уголовно-правовые.

Анализируя развитие законодательства советского периода об уголовной ответственности и наказании несовершеннолетних, необходимо отметить следующее.

Институт наказания несовершеннолетних в своем развитии прошел долгий, весьма противоречивый исторический путь: от отсутствия формально закрепленных критериев избрания той или иной меры наказания несовершеннолетним до формирования достаточно стройной и гуманной системы наказания в отношении лиц данной возрастной группы. Как говорится, прошлое учит настоящее не повторять его ошибок в будущем. Поэтому, глядя на генезис норм о наказании несовершеннолетних в историческом ключе, безусловно, необходимо сформулировать и предложения в отношении дальнейшего развития данного правового института. Стоит сказать, что строгость наказания не приносит желаемого эффекта в профилактике преступности среди несовершеннолетних, но и чрезмерный гуманизм, попустительство также губительны здесь и неминуемо приведут к печальным результатам. Меры уголовно-правового характера в отношении несовершеннолетних должны быть не столько жесткими, сколько последовательными и неотвратимыми. Борьба с преступностью подростков исключительно с помощью наказания абсурдно. Безусловно, если преступление совершено, то правоприменитель должен использовать всю силу уголовного права, делегированную ему законом, и исходя из принципа минимизации репрессии сделать так, чтобы несовершеннолетний осознал все последствия содеянного им, раскаялся и впредь воздерживался от совершения общественно опасных деяний. Но нужно помнить и о том, что уголовное наказание — следствие, а бороться нужно с первопричиной преступного поведения подростков. Для этого нужны действенные меры профилактики, активно поддерживаемые со стороны государства как на уровне законодательно-

го регулирования, так и достаточного финансирования этой сферы деятельности: должны выделяться значительные средства на организацию детского досуга во всех регионах страны; повышаться роль воспитательной функции образовательных организаций, которая на сегодняшний день фактически утрачена; осуществляться своевременная и эффективная, планомерная работа с группами риска (не для отчетности, а на результат) и пр.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крюкова, Н. И. История развития уголовного законодательства об ответственности несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. — 2013. — №6. — С. 23–27.
2. Скрипченко, Н. Ю. Развитие законодательства о применении принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних преступников (досоветский, советский и постсоветский периоды // Вопросы ювенальной юстиции. — 2008. — С. 35–40.
3. Таганцев, Н. С. Русское уголовное право в 2 ч. Часть 2 / Н. С. Таганцев. — Москва: Юрайт, 2020. — 446 с. Текст электронный // ЭБС Юрайт [сайт].

Arefinkina E. G.

*Candidate of Juridical Sciences, Docent,
Head of the Criminal Law and Process Department of Sochi Institute (branch)
of the Russian University of Peoples' Friendship, Sochi, Russia*

HISTORICAL DEVELOPMENT THE PROVISIONS OF CRIMINAL PUNISHMENT BY THE MINOR IN THE RUSSIA

Without understanding the historical realities it is impossible to analyze the directions of further development the native legislation, since the stability of legal norms is checked mainly by the conditions of their genesis. The institution of juvenile punishment in its development has gone a long and difficult way. Its formation was closely related to the state of the social, economic and political situation in the country, as well as the tasks of criminal policy.

Key words: punishment for minors; criminal legislation on responsibility of minors; minor violator.

Капустина М. А.

кандидат юридических наук, доцент,
Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕвразЭС,
г. Санкт-Петербург, Россия

© 2023

Дата приема:
28.12.2022

РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФЕДЕРАТИВНОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА

В статье рассматриваются правовые особенности российской федеративной модели государственного устройства на основе историко-культурной преемственности и политико-юридической новизны Российского государства и права. Акцент сделан на характеристике федерации как сложной и децентрализованной организации публичной власти по национальному и территориальному принципам. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу о том, что в федеративной модели РФ отражается российская государственная идентичность.

Ключевые слова: федеративная модель; государственное устройство; Российская Федерация; государственная власть; конституционное правопреемство; государственный язык.

Идея поиска идеальной модели государственного устройства сопровождает всю историю человечества и историю правовой мысли. Российская история и наука — не исключение. Со времен древнейших мыслителей и до Нового времени обсуждались правильные и неправильные государства с точки зрения того, основана ли публичная власть на праве или на произволе, осуществляется ли государственное управление одним, немногими или большинством. Вопросы территориального устройства государства, распределения публичной власти по территории, на которой проживает население страны, не включались в орбиту изысканий наилучшей государственной формы. При этом государство мыслилось как организация жизнедеятельности людей, а не аппарат управления и принуждения. Например, хорошо известно определение государства как «общего правопорядка», данное когда-то Цицероном [3, с. 21, 35]. В рамках исследования государства как «публично-властным образом интегрированного, организованного и управляемого социально стратифицированного общества» [2, с. 4], модель государственного устройства не может быть отделена от культурно-цивилизационных процессов, происходящих в обществе-государстве (государственно организованном обществе).

Между тем, в российской юриспруденции государство часто ассоциируют с аппаратом управления и принуждения. Узкое понимание государства как механиз-

ма государственных органов и учреждений характерно для более позднего периода правовой и политической мысли — становления либеральной традиции после Великих революций Нового времени, осознания нетождественности общества и государства. На первом плане оказался не правовой порядок отношений, а глава государства — суверен, олицетворяющий собой государство. Формирование национальных государств в Европе актуализировало определение государства как политического института сосредоточения власти. Это положительно сказалось на развитии требований, предъявляемых к государственным служащим и должностным лицам государственного аппарата, которые на профессиональной основе реализуют властные полномочия. Однако проблемы распределения верховной власти в соответствии с историко-культурными традициями и административно-территориальными особенностями проживания людей не рассматривались в контексте поиска идеальной формы правления национального государства.

Между тем, правовая система государства во многом зависит от организации населения и публичной власти по территории государства. Поэтому с XX века в российской юридической литературе принято различать простые и сложные государства по характеру их внутренней структуры, т. е. административно- и (или) национально-территориальному делению. Простыми в таком смысле называют унитарные государства с полной централизацией публичной власти на всей территории страны. Здесь существует единственный законодатель — представительный орган государственной власти, формируемый всем населением страны, и единственное правительство. Форма государственного устройства унитарных государств представляет собой исключительно административно-территориальные единицы, которые несамостоятельны и подчиняются непосредственно центральным органам государственной власти. Население административных образований в простых государствах не формирует собственных законодательных органов власти. В результате, государственная власть предстает в форме иерархической системы соподчиненных органов государственной власти, осуществляющих свои полномочия на основе единой системы законодательства.

В сложных по форме государственного устройства странах, называемых федерациями, формируются относительно самостоятельные от центральной власти территориальные субъекты, население которых избирает собственный парламент. Таким образом, при сложном государственном устройстве в стране складываются, можно сказать, две системы органов государственной власти и две правовые системы: федеральная — единая на всей территории государства и региональная — совокупность правовых систем всех субъектов федерации. Законодательство конкретного субъекта представляет собой систему нормативных правовых актов, принятых органами государственной власти данного субъекта и действующих в пределах его территории. Отсюда необходимость, во-первых, правового разграничения государственных полномочий между верховной федеральной властью и региональной властью субъектов, во-вторых, теоретико-практического обоснования способов разрешения и преодоления возможных коллизий между федеральным законодательством и нормативными актами субъектов в целях обеспечения единства сложно устроенного государства [1, с. 99–100].

Обсуждая в современных реалиях идеальное государство, нужно отметить промежуточную, в известном смысле, модель между простыми по государственному устройству унитарными странами и федерациями как сложно устроенными государствами. К такой модели, вероятно, следует отнести формально-юридически унитарные государства, не имеющие по конституции в своем составе суверенных субъектов, но включающие в себя автономные территориальные образования, которые обладают значительной самостоятельностью в решении вопросов местного значения. Это, например, сегодняшние Испания, Италия. Существование подобных форм государства позволяет прийти к выводу о необходимости переосмысления типологии государственного устройства и различении не «просто» и «сложно» устроенных государств, а централизованных и децентрализованных государств по характеру централизации государственной власти, и степени самостоятельности власти, формируемой населением территориальных образований конкретных государств. При таком подходе к централизованным следует относить государства, в которых административно-территориальные единицы подчинены непосредственно центральным органам власти и только им, к децентрализованным — федерации и государства, в которых административно-территориальные образования могут быть подчинены одновременно и центральным, и местным представительным органам власти. В то же время федерации могут отличаться друг от друга степенью самостоятельности входящих в них субъектов. Другими словами, признавая федерации сложной формой государственного устройства, следует отдавать себе отчет в том, что децентрализация не является объективным и независимым от конкретных политико-правовых и социокультурных обстоятельств имманентным свойством федеративной модели. Децентрализация как принцип организации публичной власти нуждается в законодательной основе и требует конституционных гарантий правовой свободы субъектов.

Россия является правопреемником и правопродолжателем Союза ССР (часть 1 статьи 67.1 Конституции РФ). Согласно части 2 статьи 67.1 Конституции РФ Россия сохраняет преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство. Важно подчеркнуть, что в составе СССР она была единственным субъектом, который имел федеративную форму советской социалистической республики. Сам Советский Союз был организован как федерация, состоящая из национальных республик. Россия уже тогда представляла собой многонациональное образование и являлась, таким образом, исключением из национального принципа государственного устройства Советского Союза.

Важной правовой особенностью современной федеративной модели государственного устройства России является то, что действующей Конституцией Российской Федерации 1993 г. предусмотрено шесть видов субъектов: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа (статья 5 Конституции РФ). Подобное разнообразие видов субъектов в совокупности с большим количеством самих субъектов Российской Федерации, несомненно, выделяет Россию из существующих в мире федеративных государств. Системное толкование конституционных положений, позволяет предположить, что по замыслу авторов текста Конституции, три вида субъектов (половина от шести видов),

должны были, продолжая советскую традицию, формироваться по национальному принципу — республики, автономная область, автономные округа, другая половина — края, области, города федерального значения — по территориальному принципу. При этом, несмотря на разницу в принципе формирования, все субъекты Российской Федерации провозглашаются равноправными (часть 1 статьи 5 Конституции РФ).

Между тем республика, очевидно, имеет особый статус в составе Российской Федерации. В отличие от остальных видов субъектов, во-первых, республика названа в скобках государством и имеет свою конституцию (часть 1 статьи 5 Конституции РФ), статус республики определяется Конституцией РФ и собственной конституцией (часть 1 статьи 66 Конституции РФ); во-вторых, только республика вправе устанавливать свой государственный язык (часть 2 статьи 68 Конституции РФ). В органах государственной власти, органах местного самоуправления, государственных учреждениях республик государственный язык республики употребляется наряду с государственным языком Российской Федерации. Во всех республиках, кроме Карелии, национальные языки объявлены государственными наравне с русским.

Конституции СССР 1977 года не было известно такое понятие, как «государственный язык». Конституционное регулирование Советского Союза в языковой сфере опиралось на категории «родной язык» (например, статья 45 Конституции СССР 1977 г.), «язык союзной республики» (например, статьи 118, 159, 169 Конституции СССР 1977 г.), «языки народов СССР» (например, статья 36 Конституции СССР 1977 г.). Действующая российская Конституция 1993 года продолжает конституционно-правовую традицию СССР в сфере защиты родного языка и в Главе 2 «Права и свободы человека и гражданина» закрепляет конституционное право каждого «на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» (статья 26 Конституции РФ 1993 года). В 2005 году был принят Федеральный закон № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Цель закона — определить общегосударственный статус русского языка на всей территории Российской Федерации, а также установить правила его использования в разных сферах общения в соответствии с языковой ситуацией и основными принципами национально-языковой политики. Закон устанавливает государственные гарантии поддержки и защиты государственного языка в различных сферах жизни общества — в сфере образования, культуры, средств массовой информации и др.

Обсуждая российскую федеративную модель государственного устройства, следует отметить, что интерпретация конституционных положений, закрепленных в части 2 ст. 5, ст. 66 и 68, во взаимосвязи с нормой части 1 ст. 5 Конституции РФ о равноправии всех видов субъектов Российской Федерации указывает на внутреннее противоречие конституционного текста. Кроме того, образование в составе Российской Федерации в 2014 году Республики Крым не соответствует положенному в 1993 году в основу российского государственного устройства принципу формирования республик по национальному признаку. Народ Республики Крым многонациональный, что отразилось и в установлении трех государственных языков Республики Крым — русского, украинского и крымскотатарского (часть 1 ст.

10 Конституции Республики Крым). Три государственных языка Республики Крым были установлены сразу при подписании Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (ст. 3 Договора).

Правовые особенности федеративной модели государственного устройства Российской Федерации отражаются в структуре российской правовой системы. Правовое регулирование не может осуществляться без учета культуры, традиций, которые сформировались у народов, населяющих субъекты Федерации и получили свое выражение в языке, на котором происходит правовое общение. По смыслу российской Конституции, законодательная деятельность должна определяться не только актуальными политическими и экономическими задачами, но и историко-культурными, цивилизационными и идеологическими основами проживающих в Российской Федерации народов. Целостность и единство государственного устройства России опирается на формировавшуюся на протяжении столетий общность территории проживания людей, принадлежавших к разным нациям и народам, но объединенных устойчивыми цивилизационными, языковыми, хозяйственными и другими гуманитарными связями, — российскую государственную идентичность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Договоры между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 18.03.2014.
2. Конституция Российской Федерации (с изменениями на 4 октября 2022 года) // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru, 06.10.2022, № 0001202210060013.
3. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик от 12.10.1977 // Ведомости Верховного Совета СССР. № 41. 12.10.1977. ст. 619;
4. Конституция Республики Крым (с изменениями на 20 мая 2022 года) // Крымские известия. 2014. — № 68 (5479). — 12 апреля.
5. Федеральный закон № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 23. — 6 июня. — Ст. 2199.

Библиография

1. Капустина М. А. Право, общество, государство // Правоведение. — 2008. — № 5. — С. 92–106;
2. Мамут, Л. С. Государство в контексте глобализации // Право и политика. — 2004. — № 1. — С. 4–13.
3. Цицерон, М. Т. О государстве. О законах / пер. с лат. В. О. Горенштейна; прим. И. Н. Веселовского, В. О. Горенштейна; послесл. С. Л. Утченко. — Москва: Академический проект, 2016. — 249 с.

Kapustina M. A.

*Candidate of Legal Sciences, Ph. D. (Law), Associate Professor,
University associated with the Interparliamentary Assembly of EurAsEC,
Saint-Petersburg, Russia*

RUSSIAN STATE AND LAW: LEGAL SPECIFICITIES OF THE FEDERAL MODEL

The article deals with the legal specificities of the Russian federal model based on the historical and cultural continuity and political and legal novelty of the Russian state and law. Emphasis is placed on the characterization of the federation as a complex and decentralized organization of public authority according to national and territorial principles. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the federal model of the Russian Federation reflects the Russian state identity.

Key words: federal model; state structure; Russian Federation; state power; constitutional succession; state language.

УДК 342.8

DOI 10.55346/27825647_2023_2_36

Городецкая Е. А.

кандидат юридических наук, доцент,
Приднестровский государственный университет
им. Т. Г. Шевченко;
председатель Центральной избирательной комиссии
Приднестровья,
г. Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика

© 2023

Дата приема:
04.12.2022

ОБ УСИЛЕНИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В статье изложены результаты сравнительно-правового анализа законодательного регулирования ответственности за фальсификацию подписных листов. Автор рассматривает текущее состояние законодательства и правоприменительной практики Приднестровья, обосновывает необходимость введения специальной уголовно-правовой ответственности за умышленную подделку подписей избирателей в подписных листах.

Ключевые слова: избирательная кампания; избирательные права; избиратели; ответственность; подписные листы; кандидат; избирательные комиссии; проверка подписных листов.

12 декабря 2021 года в Приднестровье в условиях гласности свободно и открыто состоялись выборы президента. Состоявшиеся выборы явились суверенным и подлинным проявлением власти и воли приднестровского народа. Международные наблюдатели высоко оценили уровень организации выборов, соответствие избирательных процедур международным стандартам. В ходе избирательной кампании были созданы все условия для реализации пассивного избирательного права; для осуществления и выявления свободно выраженной воли избирателей; предпринят комплекс мер для обеспечения доступности голосования для различных категорий граждан, в том числе и находящихся на лечении в инфекционных госпиталях.

Несмотря на позитивные итоги прошедших выборов и высокие оценки качества их проведения со стороны избирателей и международных наблюдателей, выявлена необходимость оказания уголовно-правового воздействия на состояние общественных отношений в сфере реализации избирательных прав с целью повы-

шения эффективности предотвращения вреда этим общественным отношениям. В противном случае мнению социума о праве и ценностно-идейным установкам в выборах как важнейшем институте народовластия может быть нанесен непоправимый вред.

Каждое изменение законодательного регулирования — это реакция на состояние объективной реальности. Сложившаяся в период избирательной кампании по выборам Президента Приднестровья 2021 года ситуация с представлением отдельными кандидатами сфальсифицированных подписных листов сформировала правотворческий замысел, направленный на ужесточение уголовно-правовой ответственности за нарушения в этой сфере правоотношений. Стимулом для формирования данного предложения явились действия отдельных кандидатов по внесению фиктивных сведений в подписные листы и подделке подписей избирателей, якобы проставленных в поддержку этих кандидатов. Подача этими кандидатами в ЦИК Приднестровья документов, заведомо непригодных для принятия избирательным органом решения о регистрации кандидатов, попытки создания в интернет-пространстве негативного имиджа избирательных комиссий и условий для подрыва доверия к итогам выборов свидетельствуют о необходимости предотвращения впредь подобных действий мерами уголовно-правовой ответственности.

В ходе избирательной кампании к кандидату чаще всего применяются меры конституционно-правовой ответственности в виде отказа в регистрации, предупреждения в адрес кандидата либо отмены в судебном порядке регистрации кандидата. Ранее эти меры демонстрировали высокую степень эффективности, поскольку искомой целью кандидата была регистрация и возможность быть включенным в избирательный бюллетень. Однако предвыборные реалии текущего периода свидетельствуют о том, что отдельные кандидаты выдвигаются не с целью достижения статуса зарегистрированного кандидата или избранного президента, депутата и т. д., а с целью ввести элементы конфликтности в избирательный процесс, создать иллюзию предвзятости и ангажированности избирательных комиссий и несправедливости выборов в целом. Оценивая степень вреда, которую подобные действия наносят как отношению избирателей к избирательному процессу, так и морально-психологическому климату в избирательных комиссиях, приходим к выводу о своевременности введения более эффективных мер ответственности, которые обеспечили бы должную превенцию нарушений избирательных правоотношений. Как отмечает А. Г. Головин, «необходимо вырабатывать в обществе психологическую установку, заключающуюся во внутреннем ощущении и осознании гражданами как значимой ценности избирательных свобод, которыми личность пользуется ответственно, сознавая себя неотъемлемой частью коллективного источника власти — многонационального народа» [1, с. 9]. Соответственно, использование этих свобод в неправовых целях должно искореняться.

За совершение общественно опасных посягательств на избирательные права граждан в Уголовном кодексе Приднестровья (далее — УК) предусмотрена уголовная ответственность. Так, уголовная ответственность наступает за воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (статья 137 УК), фальсификацию избирательных документов, документов референдума или неправильный подсчет голосов (статья 138 УК) и за фальсификацию итогов голосо-

вания и незаконную передачу избирательного бюллетеня (статья 138–1 УК). Положения диспозиций названных норм не претерпевали изменений уже более пяти лет.

Статья 138 УК в настоящее время предусматривает наступление ответственности за совершение следующих действий:

- фальсификацию избирательных документов, документов референдума;
- неправильный подсчет голосов;
- заведомо неправильное установление результатов выборов, референдума;
- нарушение тайны голосования.

При этом в настоящее время может быть привлечен к ответственности по указанной статье только специальный субъект — член избирательной комиссии.

Зарубежный опыт правового регулирования уголовной ответственности за преступления в сфере избирательных правоотношений свидетельствует о более подробной регламентации тех деяний, за которые наступает уголовная ответственность, в частности за подделку подписей избирателей в подписных листах.

Как указывают российские ученые [6, с. 83], лексическое обособление подделки подписного листа в диспозиции соответствующей статьи уголовного закона известно не только российскому законодательству, но и законодательству Швейцарии (ст. 282 УК), Узбекистана (ст. 146 УК), Казахстана (ст. 147 УК). В Российской Федерации выраженное в фальсификации подписных листов деяние нашло свое отражение в отдельной части статьи 142 УК Российской Федерации. Уголовный кодекс Узбекистана в статье 146 предусматривает уголовную ответственность за внесение фиктивных записей в подписные листы.

Введение уголовной ответственности за фальсификацию подписных листов, которая, как правило, сопряжена с подкупом и действием организованной группы лиц, позволит предотвратить совершение подобных деяний и выдвижение кандидатов, которые своей целью ставят не реализацию пассивного избирательного права, а создание негативного эмоционального фона вокруг избирательных комиссий и манипуляцию общественным сознанием.

Опасность распространения таких манипулятивных технологий заключается, в том числе, в их психологическом воздействии на избирателя. Безусловно, «психологической сущностью деятельности кандидата», как указывает В.Г. Зызыкин, «является целенаправленное психологическое воздействие на сознание избирателей с целью программирования их выбора» [2, с. 7]. Избиратель на постсоветском пространстве в силу исторически сложившейся зависимости от влияния политических событий на жизнь и благополучие каждого, очень политизирован и вовлечен в политические процессы. «Наш избиратель, как свидетельствуют социально-психологические исследования, в большинстве своем крайне чувствителен к психологическим воздействиям и психологически слабо защищен от манипуляций. Для любой избирательной кампании, особенно в период предвыборной агитации, характерно интенсивное психологическое воздействие на избирателей» [2, с. 7].

Нередко к совершению общественно опасных посягательств на избирательные правоотношения приводит реализация «эгоистических интересов участников избирательного процесса, в том числе стремление использовать электоральные конфликты в качестве средства привлечения повышенного внимания общественности к конкретным субъектам избирательной кампании» [2, с. 12]. Недобросовест-

ные участники избирательного процесса подбирают такие способы воздействия на подсознание избирателей, которые снижают сознательный контроль и анализ поступающей информации, заменяют рациональное и аргументированное убеждение верой в какие-то конспирологические замыслы. При этом, как отмечает В. Г. Зазыкин, недобросовестными кандидатами «ориентация осуществляется на так называемый милтон-модельный язык, то есть язык невысокой точности, но создающий иллюзию высокой правдоподобности» [2, с. 13].

Как справедливо указывает С. М. Шапиев, «для того, чтобы раскрутить политика, нужен неожиданный ход, продуманная система показательных акций, драматургически выстроенных и удобных для телевизионного показа... Некоторая скандальность». Сегодня ввести в драматическое поле максимальное количество избирателей и манипулировать их сознанием гораздо проще, поскольку необходимую информацию масштабировать, причем анонимно, с легкостью возможно посредством публичных чатов в социальных сетях. При этом легкости масштабирования прямо пропорционально увеличению в арсенале команды нечистоплотного кандидата методов, противоречащих законодательству и нарушающих этику предвыборной борьбы в цивилизованных странах, а также сложившиеся нравственные устои в обществе. Существует прямая корреляция между уровнем выборов (а, значит, привлекательностью мандата), и изощренностью незаконных избирательных технологий, а также степенью лживости доносимой до избирателей информации.

Сбор подписей предусмотрен избирательным законодательством как необходимый элемент процедуры выдвижения кандидата и необходимое условие для регистрации. Согласно требованиям пункта 2 статьи 54 Избирательного кодекса Приднестровья «количество подписей, необходимых для регистрации кандидата, должно составлять не менее 2 процентов, но не более 3 процентов от числа избирателей, зарегистрированных на территории избирательного округа» [3, с. 68].

Когда целью действий кандидата является не получение мандата выборного лица, а создание препятствий для борьбы за мандат для другого кандидата либо создание у электората нужных актору иллюзий, вред наносится не только конституционным правам отдельно взятого кандидата, но и системе публичной власти в целом. Для того чтобы публичная власть могла создавать блага для народа, она должна быть стабильной, эффективной и сильной. Необходимым условием обретения этих качеств публичной властью является доверие к ней населения. Доверие к выборам — важнейшая его часть.

Наиболее распространенными способами фальсификации подписных листов являются подделка подписей избирателей и дат проставления подписей, которые должны выполняться избирателями собственноручно и только с момента подачи кандидатом уведомления о начале сбора подписей. Для фальсификации подписных листов предвыборный штаб кандидата проводит подготовительные мероприятия кадрового и информационного характера. В первую очередь, разными способами добываются паспортные данные избирателей. Например, кандидат получает доступ к базам данных с личной информацией граждан. Либо кандидат, его штаб обманым путем получают эти данные у самих избирателей — под видом переписи населения, под видом сбора подписей за того кандидата, к которому лояльно настроено большинство, сбора заявлений, а также с использованием ресурсов интернета.

Далее штаб кандидата рекрутирует граждан, обладающих навыками копировать почерк граждан, и организует заполнение подписных листов ложными сведениями без контакта с избирателями и демонстрации реальной поддержки ими своей кандидатуры. Российской практике уже известны случаи привлечения к уголовной ответственности за подобные правонарушения, а именно: «... ряд подписных листов содержали сведения о волеизъявлении граждан, которые к моменту сбора подписей умерли, что подтверждается копиями актовых записей о смерти. Действия обвиняемого были квалифицированы судом по ч. 1 ст. 142 УК РФ. За аналогичные действия приговором Звенигородского городского суда Московской области от 23 марта 2012 г. по делу № 1–5/2012 кандидат на должность главы городского округа, был привлечен к уголовной ответственности по ч. 1 ст. 142 УК РФ. Обвиняемый с целью ускорения процедуры сбора подписей избирателей обменялся своими подписными листами с подписными листами выдвинутых путем самовыдвижения кандидатов на должность главы городского округа и фальсифицировал подписи избирателей и даты внесения подписи в подписных листах» [5]. За указанные деяния лицо было привлечено к уголовной ответственности, однако надо понимать, что по таким делам редко удается собрать необходимые доказательства и привлечь виновных к уголовной ответственности.

Учитывая изложенное, обоснованным представляется вывод о том, что установление специальной уголовной ответственности повысит информированность граждан о противоправности действий по фальсификации подписных листов, и, соответственно, в значительной мере предотвратит совершение подобных действий. При этом исключение какого-либо репрессивного влияния предлагаемой нормы на эту сферу достигается установлением требования в уголовном законе о наличии прямого умысла на фальсификацию подписных листов.

Представляется востребованной и подлежащей законодательному закреплению новая, вторая часть статьи 138 Уголовного кодекса Приднестровья «Фальсификация избирательных документов, документов референдума или неправильный подсчет голосов»:

«2. Подделка подписей избирателей в поддержку выдвижения кандидата, инициативы проведения референдума или заверение заведомо подделанных подписей (подписных листов), заведомо неправильное составление подписных листов, в том числе, совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, либо соединенные с подкупом, принуждением, применением насилия или угрозой его применения, а также с уничтожением имущества или угрозой его уничтожения, либо повлекшие существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства, — наказываются штрафом в размере от 5000 (пяти тысяч) до 8000 (восьми тысяч) расчетных уровней минимальной заработной платы либо лишением свободы на срок от 2 (двух) до 5 (пяти) лет.

Примечание. Лицо, впервые совершившее деяние, предусмотренное частью второй настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности, если оно добровольным и своевременным сообщением органам государственной власти, избирательным комиссиям или иным образом способствовало предотвращению или пресечению преступления и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

Субъективная сторона должна характеризоваться прямым умыслом. Субъектом преступления может быть кандидат, сборщик подписей, лица, непосредственно осуществляющие подделку подписей избирателей и дат проставления подписей (те графы подписного лица, которые подлежат заполнению избирателем собственноручно), лица, включенные в инициативную группу по проведению отзыва выборного лица либо по проведению референдума.

Критерием разграничения предполагаемой новой второй части статьи 138 УК Приднестровья и ст. 5.24 КоАП Приднестровья «Подделка подписей избирателей, участников референдума» будет заведомость как показатель наличия умысла на совершение общественно опасного деяния.

Подделка подписей избирателей в подписных листах в целях имитации поддержки избирателей нивелирует поставленную перед институтом сбора подписей цель законодателя: создать специальные условия, позволяющие исключить из избирательного процесса тех участников, которые не имеют достаточной поддержки избирателей» [4]. Чтобы выявить действительную и реальную поддержку избирателями кандидата, необходима всесторонняя и действенная проверка подписей на предмет их достоверности. Для проверки достоверности подписей в подписных листах избирательные комиссии направляют запросы в уполномоченные государственные органы и организации, привлекают экспертов органов внутренних дел. В процессе такой проверки экспертом выявляются факты подделки подписей и дат проставления подписей избирателей. Полученные из уполномоченных органов государственной власти ответы на запросы также ложатся в основу выводов избирательной комиссии о внесении в подписные листы недостоверных данных. Таким образом, выводы о недостоверности подписей избирателей в связи с их фальсификацией основываются на выводах эксперта-почерковеда, документах, полученных от органов регистрационного учета граждан и протоколе избирательной комиссии об отказе в регистрации кандидата, к которому прилагается подробное заключение рабочей группы.

Несмотря на поступательное развитие электоральных процедур и организационных основ деятельности избирательных органов, минимизацию организационных и технических барьеров, отмечается негативная тенденция увеличения числа злонамеренных действий, направленных на дискредитацию избирательного процесса, повышение уровня эмоционального напряжения и негативного информационного фона избирательных процедур. Постоянно изменяющиеся условия выстраивания коммуникативных связей между участниками избирательного процесса, стремительно меняющиеся каналы и скорость донесения до избирателей информации требуют адекватного отражения в законодательстве и правоприменительной практике используемых приемов и средств реализации избирательных прав граждан.

Общественная опасность фальсификации подписных листов в настоящее время недооценивается и должна быть ясно сформулирована, осознана и предотвращена. Усиление тенденций безнаказанного и анонимного распространения в глобальной сети Интернет недостоверной информации и злоупотребления свободой участия в выборах требует установления заградительных барьеров деструктивным действиям в целях недопущения срыва выборов и обеспечения их результативности, а также установления баланса между свободой реализации пассивного и активного избирательных прав.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головин, А. Г. Категория свободных выборов в рамках конституционно-правовой концепции делегирования власти народом // Избирательное законодательство и практика. — 2021. — № 4. — С. 9.
2. Зазыкин, В. Г. Психологические аспекты избирательного процесса. [Электронный ресурс]: избирательные кампании: психологический взгляд на проблему. — URL: <https://www.rcoit.ru/upload/iblock/894/06.pdf> (дата обращения: 12.03.2022 года).
3. Избирательный кодекс Приднестровья от 9 августа 2000 г. №332–3 (СЗМР 00–3). — Тирасполь: Ликрис, 2021.
4. Определение Верховного суда Российской Федерации от 26 сентября 2014 г. № 127-АПГ14–9. [Электронный ресурс]: URL: https://dogovor-urist.ru/%D1%81%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B0%D1%8F_%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%B0/%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%BE/127-%D0%B0%D0%BF%D0%B314-9 (дата обращения: 12.03.2022).
5. Ревазов, М. А. Уголовная ответственность за нарушение избирательного законодательства УК РФ. [Электронный ресурс]: практика применения ст. 142, ст. 142.1. — URL: https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKEwiL_r6quKz2AhVt_7sIHbpmAwEQFnoECAQQAQ&url=https%3A%2F%2Fpravoprim.spbu.ru%2Fyurisprudentsiya%2Fzashchitapragrazhdan%2Fitem%2F436ugolovnayaotvetstvennostzanaruszenieizbiratelnogozakonodatelstva.html&usg=AOvVaw0g49QmY9iUiIqhgcsqjsaO (дата обращения: 12.03.2022).
6. Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме / Шапиев С. М., Соктоев З. Б., Круглень А. Н. / под ред. С. М. Шапиева. — Москва: Центральная избирательная комиссия Российской Федерации, 2016. — 205 с.

Gorodetskaia E. A.

*Candidate of Law, Associate Professor,
Pridnestrovian State University named T. G. Shevchenko,
Chairman of Central Election Commission of Pridnestrovie,
Tiraspol, Pridnestrovie*

ON STRENGTHENING THE CRIMINAL LAW PROTECTION OF ELECTORAL RIGHTS OF CITIZENS' ELECTORAL RIGHTS IN THE CURRENT CONTEXT

Based on comparative-law analysis of the legislative regulation of responsibility for falsification of signature sheets the author substantiates the need of establishing in Pridnestrovie a special criminal responsibility for deliberate fake of voter's signature in signature sheets and another falsification of signature sheets.

Key words: election campaign; electoral rights; responsibility; signature sheets; candidate; election commissions; verification of signature sheets; voters.

УДК 342.3

DOI 10.55346/27825647_2023_2_43

Михайлов А. Е.

кандидат юридических наук, доцент,
Крымский филиал Российского государственного
университета правосудия, г. Симферополь, Россия;
Саратовская государственная юридическая академия,
г. Саратов, Россия

© 2023

Дата приема:
28.11.2022

«Само понятие «национальный суверенитет» для большинства государств стало относительной величиной; по сути, была предложена формула: чем сильнее лояльность единственному центру влияния в мире, тем выше легитимность того или иного правящего режима» (В. В. Путин) [10]

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ УКРЕПЛЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье анализируется правовое обеспечение государственного суверенитета Российской Федерации в условиях глобализации. Приводятся показатели финансово-экономического и информационного суверенитета страны, а также обзор их динамики в последние годы. Рассматривается современное российское законодательство, регламентирующее государственный суверенитет. Автор считает, что в нынешних условиях государство приняло меры, связанные с ослаблением фискального и административного контроля. В связи с этим сделан вывод о необходимости поддержки реального сектора экономики, разработки новой экономической модели, при которой государство не будет столь зависимым от конъюнктуры мирового рынка, что в дальнейшем послужит основой укрепления государственного суверенитета Российской Федерации. В ходе исследования были использованы следующие методы: сравнительно-правовой, формально-юридический и аналитический.

Ключевые слова: *государственный; финансово-экономический и информационный суверенитет; фискальный и административный контроль; глобализация.*

Государство предпринимает множество мер для обеспечения своего суверенитета, — в частности политических, военных, экономических и правовых. В рамках данного исследования нас будет интересовать правовое обеспечение государственного суверенитета Российской Федерации в условиях глобализации. При этом наиболее уязвимыми и важными сторонами государственного суверенитета являются финансово-экономический и информационный суверенитет. Именно в целях их укрепления принимается наибольшее количество правовых норм.

Согласно п. 7 Указа Президента РФ «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [11] экономический суверенитет обеспечивается состоянием, при котором национальная экономика защищена как от внутренних, так и от внешних угроз. Другими словами, меры, принимаемые в рамках обеспечения экономической безопасности, также способствуют обеспечению финансово-экономического суверенитета РФ. Так, согласно вышеуказанному нормативно-правовому акту, угрозами являются:

1. Изменение структуры мирового спроса на энергоресурсы и структуры их потребления, развитие «зеленых» технологий.
2. Отсутствие российских несырьевых компаний на международном рынке.
3. Исчерпание экспортно-сырьевой модели экономики и др.

Противоречащим являются два положения: об угрозе изменения климата, которое приведет к продовольственной катастрофе и недостатку питьевой воды, и угроза установления избыточных требований для хозяйствующих субъектов в области экологической безопасности. На наш взгляд, установление экологических требований для всех субъектов, вовлеченных в хозяйственный процесс, является не только желательным, но и необходимым, поскольку позволит остановить изменение климата, предотвратить множество природных катаклизмов, которые отрицательно влияют на национальную экономику, а также не допустить продовольственной катастрофы, в условиях которой возможен дефицит еды и питьевой воды.

В этом плане очень важным является суверенитет государства на его природные ресурсы. Согласно ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ [12] под природными ресурсами понимают компоненты природного происхождения либо компоненты природного происхождения, которые были подвержены изменению со стороны человека и при этом используются для производственных или хозяйственных целей и имеют потребительскую ценность. В частности, под природными ресурсами понимают землю, реки, подводные воды и т. д., которые являются базовыми для жизнеобеспечения человека, а также в глобальном смысле обеспечивают экономический суверенитет государства, то есть его независимость по отношению к другим государствам. Так, ч. 1 ст. 9 Конституции РФ [4] закрепляет, что земля и иные природные ресурсы сохраняются и используются в РФ как основа жизни и жизнедеятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Даже при отнесении природопользования к совместному ведению Федерации и ее субъектов на федеральном уровне были приняты соответствующие законы, устанавливающие и закрепляющие основополагающие положения [1, с. 10–25].

На экономическую безопасность государства также влияет и уровень инфляции, для контроля которого Банк России наделен определенными полномочиями. Так, согласно ст. 35 Федерального закона от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ [13], ЦБ РФ может устанавливать ставку рефинансирования, а также обязательные резервные требования. Ставка рефинансирования представляет собой ставку процента при предоставлении ЦБ РФ кредитов коммерческим банкам. На уровень инфляции она влияет следующим образом: когда Банк России повышает ставку рефинансирования, коммерческие банки в свою очередь также повышают ставку кредитов для своих клиентов, что способствует понижению спроса на кредитные продукты. В результате люди не так активно берут кредиты, вследствие чего денежная масса,

задействованная в обороте, уменьшается, а, следовательно, и темп инфляции также снижается. В это время ЦБ как бы повышает ценность денег, однако возможна ситуация, когда требуется, наоборот, понизить ценность денег, это происходит в условиях дефляции (обратного процесса инфляции). Что касается обязательных резервных требований, то это тот резерв, который должен быть у всех коммерческих банков (он предназначается как гарантия исполнения обязательств банка). При увеличении размера обязательных резервных требований Банком России коммерческие банки начинают выдавать меньше кредитов, что также способствует уменьшению денежной массы, которая задействована в обороте, вследствие чего уровень инфляции снижается.

В отличие от двух предыдущих мер, используемых ЦБ РФ, Банк России также имеет исключительное право эмиссии денег. Это право используется, в том числе, для контроля уровня инфляции, а именно — при росте инфляции ЦБ РФ перестает выпускать банкноты и монеты, тем самым, приостанавливая увеличение денежной массы разгон темпов инфляции.

Еще одним показателем состояния экономической безопасности государства является ВВП на душу населения. Этот показатель отражает рыночную стоимость всех конечных товаров и услуг, произведенных за год во всех отраслях экономики на территории государства. Для увеличения данного показателя одним из главных является увеличение численности юридических лиц, которые будут заниматься производством товаров и услуг. Есть множество способов сделать это: к примеру, привлечь иностранные инвестиции либо создать условия, благоприятствующие интенсивному росту числа вновь образующихся хозяйствующих субъектов. Если второе решение является рискованным (так как есть вероятность стать зависимым от тех, кто предоставляет инвестиции), то создание благоприятной бизнес-среды способствует также поддержанию конкуренции, благодаря чему население будет обеспечено качественными товарами и услугами, так как при множестве производителей будет идти борьба за потребителя.

Так, в РФ принят Федеральный закон от 24.07.2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [14], который предусматривает следующие меры поддержки малого и среднего бизнеса:

1. Финансовые — предоставление финансовой помощи [5, с. 1–6].
2. Специальные налоговые режимы.
3. Упрощенные способы ведения бухгалтерской отчетности, налогового учета.
4. Меры по развитию инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего бизнеса.

Помимо всех вышеперечисленных мер, также стоит отметить развитость правового регулирования, при котором обеспечиваются банковские, страховые системы, а также функционирование рынка ценных бумаг, бюджетные правоотношения и др.

Еще одной мерой обеспечения экономической безопасности является финансовый контроль [3, с. 8–14], который осуществляется в разных областях общественных правоотношений, таких как налоговые, таможенные, валютные, бюджетные, а также правоотношения в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем.

Методами осуществления финансового контроля являются проверка, ревизия, анализ, обследование и экспертиза. Проверка представляет собой наиболее простой метод и выражается в сравнении данных о фактической финансовой деятельности субъекта с информацией, которая отражена в бухгалтерской отчетности, с целью пресечения правонарушений, если таковые имеются [8, с. 57–59]. Проверки являются либо камеральными, либо выездными, либо встречными. В соответствии со ст. 267.1 Бюджетного Кодекса РФ [2] камеральная проверка проводится государственными органами в месте их нахождения, выездная проверка проводится по месту нахождения подконтрольного лица, чьи бухгалтерские документы подлежат исследованию, а встречная проверка проводится в рамках камеральной или выездной с целью установления или подтверждения фактов, связанных с осуществлением финансовой деятельности подконтрольного лица. Ревизией является исследование финансовой деятельности субъекта на соответствие правовым нормам, которое осуществляется по всей совокупности финансовых операций, которые были осуществлены субъектом [7, с. 1–5]. Обследование — это анализ и оценка текущей финансовой деятельности субъекта. Анализ, в свою очередь, это прием исследования, при котором объект разделяется на составные части, каждая из которых рассматривается самостоятельно, но при этом учитывается то, что все части составляют единое целое.

Таким образом, финансово-экономический суверенитет государства представляет собой свойство государства, при котором оно способно самостоятельно принимать решения в сфере экономики и проводить экономическую политику. При этом стоит отметить, что именно финансово-экономический суверенитет наиболее подвержен ограничением, связанным с глобализацией. В частности, государство для более эффективного экономического сотрудничества добровольно передает свои полномочия в сфере экономики, заключая международно-правовые договоры, которые устанавливают иное правовое регулирование, нежели предусматривает национальное законодательство. При этом правовое регулирование направлено на баланс интересов, что является очень важным во взаимодействии с другими хозяйствующими субъектами.

Именно такое положение дел заставляет государство принимать определенные меры для охраны своего финансово-экономического суверенитета, ведь в условиях глобальной экономической деятельности, в которой задействованы не только государства, но и различные компании, включая транснациональные, финансово-экономический суверенитет государства наиболее подвержен различным угрозам. Данное положение подтвердили события, связанные с применением экономических санкций по отношению к Российской Федерации некоторыми странами Запада.

В данных условиях меры, принимаемые государством, немного поменяли направление и больше связаны с сохранением экономической безопасности, в том числе экономического суверенитета, в условиях большого давления и экономической изоляции. Так, государством было принято множество мер, но хотелось бы выделить наиболее значимые:

1. Введение тотального моратория на банкротство [9]. Данная мера стала необходимостью в сложившейся ситуации, так как позволила многим организациям и физическим лицам восстановить свою платежеспособность, и сохранить действу-

ющий рынок. Мораторий сохранял свое действие до 1 октября 2022 года. Данное ограничение также является разумным, так как долгое сохранение моратория на банкротство может дать обратный эффект при его снятии. Может произойти волна банкротств, связанная с тем, что хозяйствующие субъекты все же не смогли сохранить либо восстановить свою платежеспособность в период введения моратория.

2. Разрешение параллельного импорта [15]. Параллельный импорт — это ввоз в страну востребованных оригинальных товаров иностранного производства без согласия правообладателей. Другими словами, если говорить с правовой точки зрения, узаконивается нарушение прав на товарный знак. Однако государство было вынуждено принять данные меры, чтобы сохранить более или менее привычный уровень экономики, чтобы обеспечить сохранение экономического суверенитета страны.

3. Изменения в корпоративном праве, связанные с возможностью ПАО не раскрывать сведения о себе, с возможностью реорганизовывать филиалы и представительства иностранных компаний в ООО, с возможностью не уведомлять предварительно ФАС о совершаемой сделке с долями либо акциями и т. д. Все эти меры направлены на поддержку отечественного бизнеса и экономики.

4. Иные меры.

Государством было принято множество мер экономического характера, подкрепленных правовой базой. Перечислять все меры в данном исследовании, по нашему мнению, не имеет смысла. Однако стоит указать на то, что они были необходимы в сложившейся ситуации, так как в противном случае это могло негативно повлиять на экономический суверенитет государства, а значит и на суверенитет Российской Федерации в целом. Таким образом, основные направления укрепления суверенитета Российской Федерации в условиях глобализации связаны именно с экономической составляющей, ведь в современных условиях государства тесно связаны друг с другом в первую очередь благодаря экономическим связям, что и создает глобальную экономическую систему. Однако последние события, связанные с санкционным давлением на Российскую Федерацию и попытками ее политической и экономической изоляции, показали, что глобализация несет угрозу, ведь экономика государства становится зависимой от действий иных стран.

Как уже было ранее нами отмечено, Россией был принят ряд мер, способствующих защите экономического суверенитета страны, в основном связанных с ослаблениями фискального и административного контроля. Также меры были связаны с поддержкой внутреннего производства, для того чтобы ослабить негативные последствия от введенных санкций. Всё вышесказанное указывает на то, что политика государства на данный момент направлена на создание новой экономической модели устойчивого развития, при которой оно не так будет зависимо от глобального рынка, что и является основой сохранения и укрепления государственного суверенитета Российской Федерации.

Государственный суверенитет представляет собой фундаментальную категорию, на основании которой строятся современные взгляды и представления о государстве. Само понятие государственного суверенитета появилось в условиях феодальной раздробленности и потребности в едином сильном центре, который сможет обеспечить благополучие народа и его дальнейшее развитие. Другими словами, именно нужда и потребность людей в стабильной и мирной жизни привели к

тому, что вновь создаваемые государства обладали суверенитетом. Это явно иллюстрирует природу государственного суверенитета, подкрепленного именно волей людей (подданных, граждан), выражающейся в передаче части своей свободы и независимости своему государству.

Понятие государственного суверенитета прошло долгий путь своего развития и до сих пор не получило однозначного определения. Однако на данный момент ученые едины во мнении, что государственный суверенитет — это независимость и верховенство государственной власти. При этом первое обозначает то, что государство в рамках своей территории может совершать любые действия, и иные субъекты не имеют права вмешиваться в его внутренние дела. Но стоит указать, что действия государства во внутренней политике должны соответствовать принципам уважения и соблюдения прав и свобод человека. В противном случае такое государство считается не правовым, и его граждане имеют право на смену лиц, занимающих руководящие должности. Верховенство обозначает, что законодательные акты государства обладают высшей юридической силой на его территории, и никакая иная власть не может стоять выше власти государственной. Также стоит отметить, что с нашей точки зрения, государственный суверенитет и государство — категории взаимосвязанные: одно без другого существовать не может, поэтому при изучении государственного суверенитета никак нельзя игнорировать понятие государства, и наоборот.

Государственный суверенитет является одним из признаков государства, представляющим собой верховенство государственной власти в пределах его территории и независимость при принятии решений как внутреннего, так и внешнего характера при взаимодействии с иными государствами. Помимо государственного суверенитета, выделяют национальный и народный суверенитеты, которые, по нашему мнению, проявляются только в рамках, заданных государственным суверенитетом. Также выделяют различные стороны государственного суверенитета, такие как финансово-экономический, политический, информационный суверенитет и иные. Основным здесь является то, что государственный суверенитет по своей природе неделим, и поэтому нельзя говорить о его видах, ведь в противном случае это значило бы, что отдельные виды могут существовать самостоятельно без друг друга. Однако государственный суверенитет существует только тогда, как в него включены все его стороны, так как они проявляются в определенных сферах общественной жизни.

Стоит отдельно отметить, что теоретические знания о государственном суверенитете с течением времени подвергались изменению, однако изменялись именно представления человека об этом явлении, а сама сущность государственного суверенитета оставалась неизменной. Вероятно, в будущем исследователи привнесут что-то новое в понимание суверенитета государства, однако с уверенностью можно сказать, что, пока государство существует как политико-правовое образование, целью которого является наиболее эффективное существование людей и обеспечение их прав и свобод, суверенитет будет также существовать, ведь государство без последнего не может являться таковым.

В современных условиях обозначились процессы, которые, по мнению некоторых ученых, несут в себе определенные угрозы государственному суверенитету, одним из них выступает глобализация [6, с. 195–204]. Глобализация представляет

собой древний процесс, характерный для развития человеческой цивилизации в целом. Однако стоит отметить, что для античной глобализации были характерны несколько иные признаки и принципы, и глобализация в условиях сегодняшнего дня представляет собой несколько иной процесс, менее изученный и исследованный. Поэтому сложно правильно дать определение данному понятию, однако смело можно утверждать, что глобализация — это процесс объединения и интеграции людей в различных областях жизни общества различных государств, посредством которых происходит унификация мировых тенденций развития и функционирования. При этом глобализация затрагивает чуть ли не все сферы жизни общества и самого человека.

Можно выделить несколько видов глобализации, а именно: экономическая, политическая, культурная. Экономическая глобализация представляет собой глобализацию производства, финансов, рынков, технологий, организационных режимов, институтов, корпораций и рабочей силы. Можно сказать, что именно экономическая глобализация и является одним из первоначальных видов глобализации, ведь объединение и интеграция в древнем мире строилась именно на основе экономических взаимодействий народов в виде торговли. Политическая глобализация представляет собой создание международных органов, которые существуют и функционируют самостоятельно, вне зависимости от интересов тех или иных стран, и направлены на обеспечение и защиту прав человека. Культурная глобализация выражается в том, что объединяются и интегрируются различные проявления социальной культуры различных государств, такие как язык, образование, этические ценности и т. д.

Глобализация является неотвратимым процессом, особенно сейчас, когда современные технологии позволяют делать то, что было немыслимо еще полвека назад. Данный процесс невозможно остановить, но можно задать ему правильное направление, чтобы минимизировать его негативные последствия и издержки.

Мы не можем согласиться с мнением некоторых ученых о существовании серьезных угроз государственному суверенитету, выражающемуся в верховенстве и независимости государственной власти внутри страны и его независимости на международной арене, в условиях глобализации. Стоит исходить из самого понятия и сущности государственной власти, которая выражается в том, что она является верховной, неделимой и абсолютной. Другими словами, при ограничении государственной власти затрагиваются лишь отдельные полномочия государства, но никак не его верховенство или независимость. Об угрозах государственному суверенитету в условиях глобализации можно говорить только в контексте исследования политики государства, которая направлена на расширение глобализации в различных сферах без укрепления собственных основ государственного суверенитета. Ведь данная политика и делает государство уязвимым, а значит, и несамостоятельным, что, безусловно, ограничивает государственный суверенитет.

На сегодняшний день суверенитет современной России включает в себя две стороны: внутреннюю, которая характеризуется федеральным устройством государства, и внешнюю, связанную с независимостью и самостоятельностью при принятии политических решений на международной арене. При этом внешняя

сторона суверенитета включает в себя финансово-экономический и информационный суверенитеты.

Основные направления укрепления суверенитета Российской Федерации в условиях глобализации связаны именно с экономической составляющей, ведь в современных условиях государства тесно связаны друг с другом как раз благодаря экономическим связям, что и создает глобальную экономику. Однако последние события, связанные с наложением экономических санкций на Российскую Федерацию и попытками стран коллективного Запада изолировать нашу страну, показали, что глобализация несет серьезные угрозы, ведь экономика государства становится зависимой от глобального рынка и международной кооперации. Однако благодаря правильной политике руководства нашей страны удалось минимизировать негативные последствия, в результате чего это никак не затронуло государственный суверенитет Российской Федерации, а наоборот укрепило его. В данных условиях государством был принят пакет мер, способствующих сохранению экономического суверенитета страны, в основном связанных с ослаблениями фискального и административного контроля. Также определенные решения были связаны с поддержкой внутреннего производства, для того чтобы ослабить негативные последствия от введенных Западом санкций. Всё вышесказанное указывает на то, что политика государства на данный момент направлена на создание новой экономической модели развития, при которой оно (государство) будет не столь зависимо от глобального рынка, что, несомненно, выступит основой сохранения и укрепления государственного суверенитета Российской Федерации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Боголюбов, С. А. Суверенитет России на ее природные ресурсы // *Lex Russia*. — 2016. — № 6 (115). — С. 10–25.
2. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 г. № 145-ФЗ (ред. от 04.11.2022 г.) // *СЗ РФ*. — 03.08.1998. — № 31. — Ст. 3823; *СЗ РФ*. 18.07.2022. № 29 (часть III). — Ст. 530.
3. Догадайло, Е. Ю. Юридические формы реализации экономического суверенитета Российской Федерации на современном этапе // *Проблемы экономики и юридической практики*. — 2017. — № 6. — С. 8–14.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // *СЗ РФ*. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
5. Левченко, К. А. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации // *Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ*. — 2018. — № 1 (12). — С. 1–6.
6. Михайлов, А. Е. Сущность феномена глобализации: многообразие подходов (общетеоретическое измерение) / А. Е. Михайлов, Р. А. Бостанов // *Сибирский антропологический журнал*. — 2022. — № 3 (9). — С. 195–204. — DOI: 10.31804/2542-1816-2022-6-3-195-204.
7. Пенчук, А. В. Государственный финансовый контроль в Российской Федерации и направления его совершенствования // *Концепт*. — 2014. — № 7 (июль). — С. 1–5.

8. Полещук, Т. А. Государственный финансовый контроль: понятие и анализ основных методов / Т. А. Полещук, М. О. Баженова // Карельский научный журнал. — 2019. — Т. 8. — № 1 (26). — С. 57–59.
9. Постановление Правительства РФ от 28.03.2022 г. № 497 (ред. от 13.07.2022 г.) «О введении моратория на возбуждение дел о банкротстве по заявлениям, подаваемым кредиторами» // СЗ РФ. — 04.04.2022. — № 14. — Ст. 2278.
10. Путин сравнил США с нуворишами, «наломавшими дров». — URL: <https://www.ng.ru/news/483283.html> (дата обращения: 01.11.2022).
11. Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. — 15.05.2017. — № 20. — Ст. 2902.
12. Федеральный закон от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 26.03.2022 г.) «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2022 г.) // СЗ РФ. — 14.01.2002. — № 2. — Ст. 133; СЗ РФ. — 28.03.2022. — № 13. — Ст. 1960.
13. Федеральный закон от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.05.2022) // СЗ РФ. — 15.07.2002. — № 28. — Ст. 2790; СЗ РФ. — 15.07.2002. — № 28. — Ст. 2790.
14. Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 04.11.2022) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СЗ РФ. — 30.07.2007. — № 31. — Ст. 4006; СЗ РФ. — 04.07.2022. — № 27. — Ст. 4598.
15. Федеральный закон от 08.03.2022 г. № 46-ФЗ (ред. от 04.11.2022 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. — 14.03.2022. — № 11. — Ст. 1596; СЗ РФ. — 18.07.2022. — № 29 (часть III). — Ст. 5299.

Mikhailov A. E.

*Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor
of the Department of Theory and History of Law and State Crimean Branch
of the Russian State University of Justice, Simferopol, Russia;*

THE MAIN DIRECTIONS OF STRENGTHENING THE SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

The article analyzes the legal support of the state sovereignty of the Russian Federation in the context of globalization. The data on financial, economic and information sovereignty are presented, as well as an overview of the statistics of their application in recent years. The modern Russian legislation regulating state sovereignty is considered. The author states that in the current conditions, the state has taken measures related to the weakening of fiscal and administrative control. It sums up the need to support domestic production, to create a new economic model of development in which the state will not be so dependent on the global market, which is the basis for preserving and strengthening the state sovereignty of the Russian Federation. In the course of the study, the following methods were used: comparative legal, formal legal and analytical.

Key words: state; financial; economic and information sovereignty; fiscal and administrative control; globalization.

УДК 34(37)091:347

DOI 10.55346/27825647_2023_2_52

Ермолович В. И.

кандидат исторических наук, доцент,
Белорусский государственный экономический университет,
г. Минск, Республика Беларусь

© 2023

Дата приема:
28.11.2022

ВЛИЯНИЕ РИМСКОГО ЧАСТНОГО ПРАВА НА ПРОЦЕСС ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА БЕЛАРУСИ

В представленной статье на основе сравнительного анализа источников римского частного права и законодательства Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского (название белорусского средневекового государства) и Республики Беларусь исследован процесс влияния норм римского частного права на формирование основных институтов гражданского права Беларуси. Автором данной статьи установлены основные пути рецепции норм римского частного права в средневековое и современное право Беларуси. Выявлены нормы римского частного права, которые оказали существенное влияние на формирование современного гражданского законодательства Республики Беларусь.

Ключевые слова: *источники права; римское частное право; Законодательство Юстиниана; Кормчая книга; глоссаторы; Статуты Великого княжества Литовского; гражданское законодательство Беларуси; право собственности; обязательственное право.*

Юридические источники Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского уже в XIV–XV вв. свидетельствуют о правоприменении ряда норм римского частного права на территории средневековой Беларуси. В связи с этим возникает вопрос об источниках рецепции норм римского частного права в правовую систему средневекового государства наших предков. Ключом к разрешению вопроса о пути и источниках рецепции норм римского частного права в правовую систему Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского является источник отечественного церковного и светского права именуемый в историко-правовой литературе как Белорусская редакция «Кормчей книги», основу которой составляют Киевский и Рязанский списки «Кормчей книги», соответственно датированные 1274 г. и 1284 г. [1, с. 139]. Русские исследователи И. И. Срезневский и Я. Н. Щапов независимо друг от друга установили, что данный источник (Киевский и Рязанский списки) является идентичной копией сербской редакции «Номоканона», точнее его Иловичского списка, датированного 1262 г., авторство которого принадлежит первому главе Сербской православной церкви,

родному брату короля Сербии Савве Неманичу [1, с. 139; 2, с. 135]. Факт правоприменения данного источника на территории средневековой Беларуси зафиксирован многочисленными историческими источниками в XV веке, в частности речь идет о Туровском и Пинском списках Белорусской «Кормчей книги» [2, с. 153]. Однако оригинальный текст указанных источников в ходе нашего исследования выявить не удалось. Автор данной статьи установил и исследовал более поздний источник Белорусской «Кормчей книги» — Жировичский и Пинский его списки, которые были выполнены на территории Беларуси в начале XVII в. Проведенный текстовый анализ вышеназванных источников позволяет нам согласиться с точкой зрения И. И. Срезневского и Я. Н. Щапова, что основным источником Киевского, Рязанского и нескольких десятков других списков «Кормчей книги», которые «ходили» на территории современной России, Украины и Беларуси, был именно сербский — Иловичский список «Номоканона» 1262 г. [3]. В содержании проанализированных нами источников в идентичном порядке и объеме изложены фрагменты из законодательства императора Юстиниана, «Эклоги» и «Прохирона» [4, с. 240 а — 249 а, 267 б — 327 б; 5, с. 240 а — 250 а, 268 а — 328 б]. Данный факт свидетельствует о том, что нормы римского частного права были рецептированы почти одновременно в право средневековой Беларуси и Германии и гораздо раньше, чем в право нашей западной соседки Польши.

Вместе с тем мы не склонны отрицать и западно-европейский путь рецепции римского частного права в структуру правовой системы средневековой Беларуси. Однако это был не германский путь, как традиционно предполагалось ранее, а итальянский! Начиная с VI в. н. э. на территории средневековой Италии непрерывно применялись многие нормы Свода законов императора Юстиниана, которые нашли свое отражение в Институциях, Новеллах и Кодексе. В XII в. в Болонском университете сформировалась школа глоссаторов, которая занималась толкованием Свода законов Юстиниана и познакомила с ним весь образованный мир эпохи Средневековья. В XIII в. в Болонью съезжались студенты не только из Италии, но и из стран Западной и Центральной Европы. Их число составляло до 10 тысяч человек [6, с. 29]. Глоссаторы и их последователи — постглоссаторы преподавали римское право не как право Италии, а как международное право, которое имело силу закона для всего Западного мира, поскольку ему не противостояло местное право. В своем учении глоссаторы опирались, во-первых, на утверждения о продолжении существования римской империи, во-вторых, на внутреннюю ценность римского частного права.

То, что началось в Болонье, продолжили другие итальянские и французские юридические школы в Падуе, Париже, Бурже, которые посещались представителями многих стран Европы. В XV в. в числе студентов Болонского университета были и уроженцы из Беларуси — Альберт Гаштольд и Ян Радздивил [7, с. 38]. Знания, полученные ими в Болонском университете, были использованы при подготовке первого Статута Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского 1529 г. В частности, А. Гаштольд с 1522 г. был канцлером Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского и возглавлял комиссию по созданию Статута 1529 г. Именно по его инициативе в указанный Статут были включены правовые нормы о том, что лица, не являющиеся уроженцами Великого княжества, не имеют права занимать государственные должности приобретать на территории государства недви-

жимость. Мы имеем определенные основания считать, что предложенные нормы А. Гаштольдом и изложенные в ст. 25, разд. I Статута 1529 г. [8, с. 40–41], были сформулированы под влиянием римского частного права, а именно в их основу был положен *beneficium principale* Юстиниана [7, с. 38].

В Статуте 1529 г. содержится также ряд норм наследственного права, которые были заимствованы из римского частного права — это положения о лицах, способных составлять завещания [8, с. 67] и свидетелях завещания [8, с. 66]. Сюда следует отнести и постановление Статута, лишившее наследства непослушного сына, которое было заимствовано из 115-й Новеллы Юстиниана [9, с. 72].

Четко просматривается влияние римского частного права и на формирование институтов деликтных обязательств в Статуте 1529 г. Например, обязательства вследствие повреждения чужой вещи возникали из деликта *damnum iniuria datum*. По закону Аквилы возмещался как имущественный вред, так и спланивался штраф — *poena*. За повреждение вещи несколькими лицами можно было взыскать полное возмещение с каждого. Так, если несколько лиц уронят бревно и придавят человека, то все они подлежали наказанию по закону Аквилы [10, с. 399]. Данный принцип — полного возмещения вреда нашел свое отражение и в Статуте 1529 г., где на деликтвента возлагалась обязанность возратить законному владельцу его имущество и возместить причиненные убытки вдвойне [8, с. 107–108]. Следовательно, потерпевшее лицо имело право на возмещение последствий как реального ущерба, так и упущенной выгоды. Ответственность деликтвента, как и в римском частном праве, носила штрафной характер, поскольку потерпевшее лицо получало возмещение в большем размере. При этом следует обратить внимание на тот факт, что штрафная санкция в римском частном праве равнялась размеру возмещения, который удваивался или возрастал в четыре раза в зависимости от вида явного или скрытого *furtum*, то по Статуту 1529 г. данный вид штрафа только удваивался.

Статут Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского 1529 г. представлял собой обширный по своему объему и содержанию закон, состоящий из тринадцати разделов, делившихся на артикулы (статьи), и содержащий нормы частного, публичного, процессуального права и судоустройства. Статут 1529 г. формировался на основе норм средневекового белорусского права и римского частного права. Логично изложенная структура Статута в форме статей и глав, лаконичный язык изложения норм права являются прямым свидетельством того, что авторы кодификации знали и умело применяли на практике передовую для своего времени теорию права, которая базировалась на основе достижений римского права.

В Статутах Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского 1566 г. и 1588 г. мы также встречаем ряд правовых норм, которые были заимствованы из Институций Гая и Деликтов Юстиниана. Например, по своей структуре Статут 1566 г. напоминает содержание Кодекса Юстиниана, при том, что в Статуте преобладают нормы публичного права и нашли отражение нормы церковного права. Сходство же просматривается при ознакомлении с нормами права собственности, где речь идет о свободном распоряжении именными, и сервитутного права, а также соглашениями консенсуального характера: купли-продажи, найма и поручения. Фиксация указанных явлений — факт не случайный, так как в

состав кодификационных комиссий по разработке Статутов Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского 1566 г. и 1588 г. входило много отечественных знатоков римского права, среди которых были Домановский, Наркусский, Островецкий, Ротундус, Роизий и др. В частности, виленский войт Августин Ротундус был доктором Виттенбергского университета. До нас дошли его предложения по унификации правовой терминологии и судопроизводства на основе римских законов [9, с. 73].

Анализируя процесс рецепции норм римского частного права в правовую систему средневековой Беларуси, нами было выявлено уникальное явление, когда реципированные институты начали использоваться в отечественном праве раньше, чем получили свое официальное закрепление в источнике права. Например, институты движимой и недвижимой собственности впервые свое юридическое закрепление получили в праве средневековой Беларуси посредством рецепции норм римского частного права в Статут 1566 г. В частности, нормы статей 20, 23, раздела VII Статута 1566 г. [11, с. 155, 156] были заимствованы из Дигестов Юстиниана (D.L, XVI, ICIII, CCXI.) [12, с. 475, 509]. Однако правоприменение указанных институтов права в судебной практике ряда судов средневековой Беларуси с использованием соответствующей терминологией и трактованием содержания началось значительно раньше. Об этом свидетельствует содержание ряда дел рассмотренных в Гродненском земском суде уже в 50-х годах XVI в. [13].

Следовательно, правовая система белорусского государства уже в XV–XVI вв. формировалась с учетом влияния передовых достижений теории и практики средневекового европейского правоведения, основу которых составляли нормы римского частного права.

Нормы Статутов Великого княжества Литовского, Русского, Жемойтского действовали на территории Беларуси до 40-х гг. XIX в. Однако и введение в действие «Свода законов Российской империи» не исключило правоприменения ряда норм римского частного права на территории нашего Отечества.

Не прервали этот процесс и события, связанные с Октябрьской революцией 1917 г. и последующее социалистическое строительство. Гражданский кодекс БССР (1923 г.), который не являлся шедевром отечественного законодательного искусства, также заимствовал отдельные нормы и институты договорного, обязательственного и наследственного права из римского частного права. И даже как ни странно, ряд институтов права собственности.

ГК БССР (1964 г.) так же ощутил влияние норм и институтов римского частного права на разделы обязательственного и наследственного права.

Провозглашение суверенного, независимого государства Республики Беларусь в 1991 г. вызвало необходимость формировать отечественную гражданско-правовую систему, которая отвечала бы целям и задачам молодого государства. Принятый в 1999 г. новый Гражданский кодекс Республики Беларусь соответствовал принципам и нормам романо-германской правовой системы, а следовательно, в значительной степени базировался на нормах римского частного права. Однако практически вопрос рецепции норм зарубежного права, в том числе и римского частного права, в национальную правовую систему никогда серьезно не рассматривался.

Впервые в истории национального права Беларуси данный вопрос был исследован участниками республиканской научной конференции с международным участием «Римское частное право как источник развития гражданского права Республики Беларусь», которая проходила 23 ноября 2011 г. на факультете права Белорусского государственного экономического университета. На конференции прозвучала 32 научных доклада отечественных и зарубежных ученых, 20 из которых были посвящены вопросам сравнительно-правового анализа норм и институтов римского частного права и современного гражданского права Республики Беларусь [14, с. 54]. Весьма позитивным является то факт, что многие интересные доклады были прочитаны молодыми учеными: аспирантами, магистрантами и студентами старших курсов БГЭУ, БГУ и Академии управления при Президенте Республики Беларусь.

В ходе конференции был сделан важный вывод, что римское частное право оказало значительное влияние на развитие современного гражданского и хозяйственного права Республики Беларусь. При этом ряд докладчиков справедливо отмечали, что большинство норм и институтов римского частного права были рецепированы в национальную правовую систему из гражданского права стран романо-германской правовой системы: ГК Франции 1804 г., Германского гражданского уложения 1896 г., Гражданского кодекса Нидерландов, который принимался поэтапно в 70–90-е гг. XX в. и действующего ныне ГК Российской Федерации. Данное явление способствовало сближению национального гражданского права Республики Беларусь с действующими нормами и институтами права стран Европейского союза, что является весьма позитивным фактором для взаимного экономического сотрудничества.

Динамика развития института собственности и его норм в праве Древнего Рима создала уникальную классификацию вещей, делившую их на две группы:

1. Вещи, изъятые из оборота — предметы общего пользования, т. е. объекты государственной собственности.
2. Вещи, не изъятые из оборота — объекты частного права.

Право собственности в ГК Республики Беларусь как и в римском частном праве рассматривается в качестве категории владения, пользования и распоряжения. Институт собственности классифицируется как две формы: государственная и частная. И в данном случае римское частное право — весьма ценный источник с точки зрения теории и практики развития экономики и права. Наряду с указанными формами собственности в законодательстве Республики Беларусь, римское частное право знало ещё и общинную собственность, которая в наше время трансформировалась в общественную форму собственности, которая существует фактически, но не зафиксирована юридически белорусским законодательством. Кроме того, результат проведенного сравнительного анализа норм римского частного права и гражданского законодательства Республики Беларусь позволил сделать вывод, что механизм защиты права собственности в обеих системах права в значительной степени схож между собой. Так, в гражданском праве Республики Беларусь, как и в римском частном праве, в качестве основного средства защиты используется виндикационный иск. По своей «природе» он однотипен для обеих изучаемых правовых систем. Механизм виндикационного иска изложен в ст. 282–287 ГК Республики Беларусь [15, с. 158–159],

где истец, ответчик и предмет иска весьма схожи с аналогичными чертами в римском частном праве. Аналогичные нормы характерны и для гражданского права Франции, Германии, Голландии и России. В пользу наших доводов свидетельствует также и правоприменение негаторного иска в гражданском праве Беларуси, который не имеет существенных отличий от аналогичного института римского частного права.

Несмотря на тот факт, что механизм защиты права собственности в гражданском праве Республики Беларусь имеет в своем распоряжении и другие средства защиты, всё же основа данного механизма, по нашему мнению, была реципирована из римского частного права.

На основе сравнительного анализа норм римского частного права и гражданского права Беларуси мы пришли к выводу, что в рассматриваемых нами отраслях права договор представляет собой уникальное средство правового регулирования взаимных интересов участвующих в нем сторон, где интерес каждой из сторон удовлетворяется по мере учета интереса его партнера. Именно данный факт порождает интерес сторон к заключению и реализации соглашений, который невозможно обеспечить административно-правовыми методами регулирования хозяйственной деятельности.

Для договора в римском частном праве и правовой системе Республики Беларусь характерно наличие трех главных условий для действительности заключенных соглашений:

1. Волеизъявление обеих сторон к заключению соглашения.
2. Законность содержания договора.
3. Способность лиц, заключающих договор, вступать в договорные обязательства.

В Республике Беларусь, также выделяют три главных условия заключения договора, механизм которого изложен в ст. 402–419 ГК Республики Беларусь:

1. Договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.
2. Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законодательстве как существенные для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.
3. Договор заключается посредством направления оферты (предложения заключить договор в соответствии с нормой, изложенной в ст. 405 ГК Республики Беларусь [15, с. 212]) одной из сторон и ее акцепта (принятия предложения, механизм которого изложен в ст. 408 ГК Республики Беларусь [15, с. 213]) другой стороной.

Кроме того, немаловажным элементом в обязательственном праве Древнего Рима являлись сроки договоров, которые определяли начало реализации принятых к исполнению обязательств, которые назывались отлагательными или суспензивными (*ex die*), а сроки, определяющие прекращение их действия — отменительными или резолютивными (*ad diem*). Для утверждения срока начала или прекращения приуроченных актов требовалось определить способ расчета предусмотренного срока. Для этого применялись, в основном, две системы: *computatio naturalis* и *computatio civilis*. В соответствии с *computatio naturalis* время исчисления непрерывно с момента установления обязательств до момента

истечения срока. По системе *computatio civilis* брались во внимание только целые дни, предусмотренные как период от полуночи до полуночи. Первым днем срока считался день заключения договора, а время истечения срока определялось с полуночи последнего дня, оговоренного в сроке соглашения, таким образом действовал принцип «начавшийся день считается минувшим». Если рассмотреть данную норму в контексте правовой системы Республики Беларусь, то договор вступает в силу и становится обязательным для сторон действующего договора со времени его заключения. Так в ст. 403 ГК Республики Беларусь установлен порядок определения начала заключения договора, которым считается время получения лицом, направившим оферту ее акцепта, а если для заключения договора в соответствии с действием норм законодательства необходима передача имущества, договор считается заключенным с момента передачи данного имущества [15, с. 211].

Стороны также вправе установить, что условия заключенного ими договора применяются к их отношениям, возникающим до заключения договора. Законодательным актом или договором может быть предусмотрено, что окончание действия срока договора влечет прекращение обязательств сторон по договору. Договор, в котором отсутствует такое условие, признается действующим до определенного в нем срока окончания исполнения обязательств сторонами. Из вышесказанного следует, что договор являлся и является одним из важнейших источников обязательственных отношений в римском частном праве и системе обязательственных отношений Республики Беларусь. При этом сохраняется правоприменение в правовой системе Республики Беларусь, которое было заимствовано из римского частного права, а именно: договор считается заключенным между сторонами соглашения только в рамках, установленных определенной формой соглашений. В национальном законодательстве Республики Беларусь — это письменная форма договора, которая определяет его правовую силу.

Из этого следует, что основания возникновения обязательственных отношений в римском частном праве и гражданском законодательстве Республики Беларусь во многом схожи между собой по форме и содержанию. В римском частном праве было принято выделять следующие основания для возникновения обязательств:

1. Договор (договорное обязательство).
2. Противоправное действие (деликт), т. е. деликтное обязательство.
3. Обязательство как бы из договора.
4. Обязательство как бы из деликта.
5. Обязательства, возникающие из действия нормы закона.

Ст. 7 ГК Республики Беларусь подтверждает совпадение большинства оснований по возникновению обязательств как в римском частном праве, так и национальном гражданском праве Беларуси: возникновение обязательств из договора, обязательства из деликтных правоотношений и обязательства, возникающие из действия нормативно-правового акта [15, с. 11].

При этом следует учитывать тот факт, что многие нормы римского частного права были рецепированы в правовую систему Республики Беларусь уже обогащенными теорией и практикой развития гражданского права стран романно-

германской правовой системы в XIX—XX вв., в частности ГК Франции 1804 г., Германским гражданским уложением 1896 г. и Гражданским кодексом Нидерландов, который принимался поэтапно в 70–90-е гг. минувшего века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Срезневский, И. И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.). — Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1882.
2. Шапов, Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. — Москва: Наука, 1978.
3. Archiv Jugoslavenska akademija znanosti i umjetnosti v Zagrebe.- F.3. — Op.1. — С. 9: Законоправило или Номоканон Светога Саве. Иловички препис 1262 година.
4. Библиотека Литовской академии наук. — Ф. 19. — Оп. 1. — Ед. хр. 243: Белорусская «Кормчая книга». Жировицкий список 1609 г.
5. Библиотека Литовской академии наук. — Ф. 19. — Оп. 1. — Ед. хр. 242: Белорусская «Кормчая книга». Пинский список 1634 г.
6. Эннексерус, Л. Курс германского гражданского права. — Москва: Иностранная литература, 1949. — Т. 1.
7. Ермолович, В. И. Рецепция норм римского права в правовую систему Великого княжества Литовского // Белорусская государственность и развитие национальной правовой системы: от Статута 1588 года до современной Конституции: Материалы респ. науч.-практ. конф. (Минск, 11–12 марта 2008 г.) / Редкол.: Г. А. Василевич (отв. ред.) [и др.]. — Минск: Веды, 2008. — С. 37–39.
8. Статут Великого княжества Литовского 1529 года / Под ред. Академика АН Литовской ССР К. И. Яблонского. — Минск: Изд-во АНБССР, 1960.
9. Музыченко П. П. Рецепция римского права в Статутах Великого княжества Литовского // Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года — падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыйналізму (да 480-годдзя прыняцця): Зб. навук. арт. — Мінск: РІВШ БДУ, 2009. — С. 71–76.
10. Дигесты Юстиниана / пер. с латинского; отв. ред. Л. Л. Кофанов. — Москва: Статут, 2002. — Т. II.
11. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Аўтары — складальнікі: Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо; Рэдкалегія Т. І. Доўнар і інш. Мінск: Тэсей, 2003.
12. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л. Л. Кофанов. — Т. VII. — Полутом 2. — Москва: Статут, 2005.
13. Национальный исторический архив Беларуси. — Ф. 1755. — Оп. 1. — Д. 2: Гродненский земский суд. Книга записей актов о недвижимых имуществах, о денежных обязательствах ... Начата 6 января 1559 г. — окончена 10 декабря 1559 г.
14. Ермолович, В. И. Рецепция норм римского частного права как один из источников развития права Беларуси: история и современность // Юстыцыя Беларусі. — 2012. — № 4. — С. 53–57.
15. Гражданский кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп. По состоянию на 19 августа 2019 г. — Минск: Нац. центр правовой информации Республики Беларусь, 2019.

Yermalovich V. I.

*Doctor of History, Associate Professor, Belarusian State Economic University,
Minsk, Republic Belarus, e-mail: jermalovich7@gmail.com*

THE INFLUENCE OF ROMAN PRIVATE LAW ON THE PROCESS
OF HISTORICAL EVOLUTION OF THE CIVIL LEGISLATION OF BELARUS

In the scientific article presented to your attention, based on a comparative analysis of the sources of Roman private law and the legislation of the Grand Duchy of Lithuania, Russian, Zhemoitian (the name of the Belarusian medieval state) and the Republic of Belarus, the process of the influence of the norms of Roman private law on the formation of the main institutions of civil law in Belarus is investigated. The author of this article has established the main ways of reception of the norms of Roman private law in the medieval and modern law of Belarus. The norms of Roman private law, which had a significant impact on the formation of modern civil legislation of the Republic of Belarus are revealed.

Key words: sources of law; Roman private law; Justinian's Legislation; Pilot Book; glossators; Statutes of the Grand Duchy of Lithuania; civil legislation of Belarus; property law; law of obligations.

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ФОРМА РОССИИ КОНЦА XX — НАЧАЛА XXI ВВ. ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ТРАНСФОРМАЦИИ ПРАВООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ (ОБЩЕНАРОДНОЙ) СОБСТВЕННОСТИ

В статье анализируются положения Конституции РФ, Устава Сахалинской области, Уставы муниципальных образований Сахалинской области на предмет внесения изменений в части управления государственной и муниципальной собственностью. Автор приходит к выводу о том, что последствиями реформ 1990-х гг., связанных со статусом государственной собственности, явилось отсутствие упоминания собственника, собственников государственной собственности России, государственной собственности субъектов Федерации и собственности муниципальных образований в Конституции РФ, нормативных правовых актах субъектов Федерации и муниципальных образований.

Ключевые слова: государственная собственность; траст; СССР; советский народ.

Традиционно для характеристики государства используют категории содержания и формы. Содержание выражается в выполнении созданными органами управления функций для решения общественно значимых задач. Форма — внешнее проявление деятельности органов управления. Органы управления, как единая система государственного управления, функционируют через лиц, замещающих государственные должности, должности государственных и муниципальных служащих, и иные должности, не являющиеся должностями государственной службы.

Деятельность перечисленных лиц в правотворчестве и правоприменении заключается, в том числе, в формулировании правил общественного поведения и механизмов их реализации, которые, в свою очередь, должны представлять консенсус общества, общественных отношений (объект управления) и органов управления (субъект управления).

Применяя формально-юридический метод, исследуем положения Конституции Российской Федерации 1993 г., законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих отношения собственности.

В силу ч. 2 ст. 8 Конституции РФ в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности [6].

Слово «собственность» в Конституции РФ встречается 13 раз в различном контексте, в том числе для определения вопросов ведения Российской Федерации в отношении федеральной государственной собственности и управление ею (п. «д» ст. 71), совместного ведения РФ и субъектов РФ в части разграничения государственной собственности (п. «г» ч. 1 ст. 72). Согласно ст. 132 Конституции РФ органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью.

Федеральное законодательство, законодательство субъектов РФ и нормативные правовые акты муниципальных образований раскрывают положения, лежащие в основе конституционного строя.

В соответствии с п. 11 ст. 18 Федерального конституционного закона от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» полномочиями Правительства Российской Федерации в области экономики является управление федеральной собственностью [13].

Подпунктами 3, 4 п. 1 ст. 12 Устава Сахалинской области от 9 июля 2001 г. № 270 (далее — Устав) установлено, что в совместном ведении Российской Федерации и Сахалинской области находятся: вопросы владения, пользования и распоряжения землей, недрами, водными и другими природными ресурсами; разграничение государственной собственности [22].

В ведении Сахалинской области находится государственная собственность Сахалинской области (п. 6 ст. 13 Устава), которая является формой государственной собственности в Российской Федерации (п. 1 ст. 65 Устава).

В действующей редакции Устава, с 19.06.2022 г., в п. 2 ст. 65 указано, что в собственности Сахалинской области может находиться имущество, указанное в статье 26.11 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [10].

В редакции Устава, вступающей в силу с 01.01.2023 г., ссылка на закон изменена на ст. 55 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

В ранее действующей редакции в силу Закона Сахалинской области от 23.09.2013 № 88-ЗО п. 2 ст. 65 содержал следующее: в составе государственной собственности Сахалинской области находятся средства областного бюджета и земельные участки, участки недр, природные объекты, объекты инженерной инфраструктуры и другие объекты, имеющие областное значение, предприятия, учреждения народного образования, здравоохранения, социального обеспечения, науки и культуры, другие учреждения, созданные или приобретенные за счет средств Сахалинской области, в том числе на долевых началах, или переданные Сахалинской области другими органами государственной власти и органами местного самоуправления, ценные бумаги и финансовые активы [9].

Законом Сахалинской области от 26.10.2009 № 94-ЗО «О внесении изменений в Устав Сахалинской области» исключены из п. 2 ст. 65 слова «участки недр», а также внесены изменения в части предприятий [8]; Законом Сахалинской области от

14.10.2005 № 67-3О исключены слова «внебюджетных, в том числе валютных, фондов Сахалинской области» [7].

Перечисленные в ретроспективе положения Устава позволяют проследить изменение состава собственности: от прямого перечисления объектов до отсылки к ст. 55 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ.

В соответствии с ч. 1 указанной статьи в собственности субъекта РФ может находиться: имущество, предназначенное для осуществления органами публичной власти субъекта РФ полномочий, которые осуществляются в соответствии с данным федеральным законом; имущество, предназначенное для обеспечения деятельности органов государственной власти субъекта РФ, государственных органов субъекта РФ, государственных гражданских служащих субъекта РФ, работников государственных органов, работников государственных унитарных предприятий субъекта РФ и работников государственных учреждений субъекта РФ в соответствии с законами субъекта РФ; иное имущество, предназначенное для осуществления органами государственной власти субъекта РФ своих задач и публичных функций [18].

Нормы данного закона обособляют имущество в составе собственности субъекта РФ в целях выполнения возложенных на органы публичной власти субъекта РФ полномочий и обеспечения деятельности перечисленных лиц.

В нормативных правовых актах, регулирующих отношения муниципальной собственности, отражен аналогичный порядок.

Так, в ст. 50 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее — Закон о местном самоуправлении) обозначено какое имущество *может* находиться в собственности муниципальных образований [17]. В редакции Закона о местном самоуправлении, действовавшей до 21.10.2007, ч. 2 ст. 50 содержала перечень имущества, которое может находиться в муниципальной собственности.

Обратившись к уставам муниципальных образований РФ, например Углегорского городского округа и городского округа «Город Южно-Сахалинск» Сахалинской области, то в п. 1 ч. 3 ст. 55 увидим положение общего характера, а именно: в собственности городского округа находится, в том числе, имущество, предназначенное для решения установленных Законом о местном самоуправлении вопросов местного значения [21, 23].

Частью 3 ст. 40 Устава Углегорского городского округа и п. 7 ч. 1 ст. 42 Устава городского округа «Город Южно-Сахалинск» предусмотрена компетенция администрации округа в части *управления* муниципальной собственностью.

Из содержания обозначенных нормативных правовых актов следует, что органы местного самоуправления управляют муниципальной собственностью, осуществляя при этом права владения, пользования и распоряжения имуществом, перечень которого из норм закона и уставов исключен. Законодательные (представительные) органы ограничились формулировкой с указанием на предназначение имущества: для решения вопросов местного значения, иных вопросов, не отнесенных к вопросам местного значения, для обеспечения деятельности органов местного самоуправления и должностных лиц местного самоуправления, муниципальных служащих, работников муниципальных предприятий и учреждений. Употребление слова «может» означает как наличие в

составе муниципальной собственности того или иного имущества, так и его отсутствие. При этом наличие перечня имущества показывает прозрачность деятельности органов местного самоуправления и одновременно возможность их контроля. Поэтому исключение пообъектного состава муниципальной собственности следует расценивать отрицательно с точки зрения подотчетности деятельности органов местного самоуправления жителям муниципальных образований.

Таким образом, в Российской Федерации организована система управления государственной и муниципальной собственностью, которая представляет собой разграничение прав владения, пользования и распоряжения имуществом, предназначенном для выполнения полномочий органов государственной власти, иных государственных органов, органов местного самоуправления РФ.

В отличие от ч. 1 ст. 1 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», согласно которой органы в системе публичной власти в РФ осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории, формулировка идентичного содержания, например, в целях обеспечения жизнедеятельности граждан, проживающих на территории субъекта РФ и муниципального образования, в правоотношениях по управлению государственной и муниципальной собственностью не применяется.

Право муниципальной собственности у муниципальных образований, право федеральной собственности у Российской Федерации, право государственной собственности у субъектов Федерации возникло в порядке разграничения государственной собственности на основании Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 27.12.1991 № 3020-1 «О разграничении государственной собственности в РФ на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краёв, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность» [15].

Государственной или общенародной собственностью являлась в силу положений Конституции РСФСР от 1978 г. и Конституции СССР от 1977 г.

В соответствии со ст. 10 Конституции СССР от 1977 г. в первоначальной редакции основу экономической системы СССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной (общенародной) и колхозно-кооперативной собственности [4].

В ст. 11 Конституции СССР от 1977 г. провозглашено: государственная собственность — общее достояние всего советского народа, основная форма социалистической собственности. В исключительной собственности государства находятся: земля, ее недра, воды, леса. Государству принадлежат основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий, основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для осуществления задач государства.

Исходя из данных положений Конституции СССР следует, что перечисленное имущество государства, земля, недра, воды, леса и связанные с ними права вла-

дения, пользования, распоряжения имуществом и иные вещные права, являются собственностью народа СССР.

Изменения, внесенные в Конституцию СССР Законом СССР от 14.03.1990 № 1360-I, позволили в составе государственной собственности выделить общесоюзную собственность, собственность союзных республик, собственность автономных республик, автономных областей, автономных округов, краев, областей и других административно-территориальных единиц (коммунальная собственность), а земля, ее недра, воды, растительный и животный мир стали находиться в ведении Советов народных депутатов, допустив возможность их предоставления для использования гражданам, предприятиям, учреждениям и организациям [20].

Аналогичные положения содержала ст. 11 Конституция РСФСР от 1978 г. до внесения изменений Законом РСФСР от 15.12.1990 [5]. В редакции данного Закона введена ст. 11.1, в которой указывалось, что государственная собственность РСФСР является достоянием многонационального народа РСФСР. Здесь же перечислен состав государственной собственности [16].

В результате внесения изменений в Конституции СССР и РСФСР государственная собственность, принадлежащая советскому народу, трансформировалась в федеральную (государственную), государственную, муниципальную, правами на которую владеют субъекты — Российская Федерация, субъекты РФ и муниципальные образования соответственно.

Таким образом, в юрисдикции Российской Федерации функционируют субъекты, управляющие федеральной государственной собственностью, государственной собственностью субъектов Федерации, муниципальной собственностью, и субъекты права частной собственности.

Существенным отличием положений Конституции РФ от Конституций РСФСР и СССР является отсутствие прямого указания на собственника государственной собственности.

В связи с этим, управляя трансформировавшейся государственной (общенародной) собственностью, органы государственной власти РФ и местного самоуправления, а также граждане и юридические лица, обладая правами частной собственности, являются доверительными управляющими или доверительными собственниками по аналогии с концепцией траста.

Трасты широко известны в странах Западной Европы, особенно в Англии. В законодательстве Российской Федерации явно не упоминается о трастах, но «отсутствие в национальном законодательстве института траста не препятствует его использованию» [3].

«Применительно к Российской Федерации, то впервые упоминание о трастовых отношениях появилось в связи с осуществлением приватизации государственных и муниципальных предприятий. В соответствии с п. 6 Указа Президента РФ от 1 июля 1992 г. № 721 «Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества» Российскому фонду федерального имущества, фондам имущества республик в составе РФ, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов и районов было рекомендовано передавать на договорной основе находящиеся в их владении *пакеты акций до момента их продажи в соответствии с планами приватизации в доверительную собственность (траст)*

физическим и юридическим лицам, признаваемым покупателями в соответствии со ст. 9 Закона РФ от 03.07.1991 № 1531-1 «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации» [14]. Содержание траста как сделки было определено чуть позже Указом Президента РФ от 24.12.1993 № 2296 «О доверительной собственности (трасте)» (далее — Указ о трасте) [12]. Указ о трасте предусматривал, что до вступления в силу нового ГК РФ «передаче в траст подлежат исключительно пакеты акций акционерных обществ, созданных при приватизации государственных предприятий» (п. 21). С вступлением в 1996 г. в действие части второй ГК РФ Указ о трасте считается утратившим свое действие, но формально он отменен не был.

Указ о трасте вводил траст, отвечающий основным классическим характеристикам¹.

«Широта функций доверительного управления, которое помимо договорных отношений обслуживает и квазидоговорные (ст. ст. 37, 38, 41, 43, 62 ГК), когда заключению управляющим «договора» (не с собственником имущества) предшествует акт публичной власти, — показывает, что этот институт носит системообразующий характер. В. А. Дозорцев интегрирует доверительное управление в проблематику осуществления права собственности — в контексте традиционного для нашей юридической науки вопроса об управлении государственной собственностью (наряду с правом оперативного управления и хозяйственного ведения) — как аспект содержания права собственности: «Смысл этого института в том, чтобы право собственности могли осуществлять лица, определяемые не на административной, а на гражданско-правовой основе, чтобы они были заинтересованы в эффективном осуществлении правомочий собственника и несли ответственность перед ним за свою ненадлежащую деятельность. Это — принципиальное новшество в законодательстве. При этом оказывается, что наряду с правомочиями собственника необходимо четко выделить еще и более широкую категорию — управление собственностью...» [2, с. 241]» [1, с. 251–286].

Согласно п. 14 Указа о трасте имущество, переданное в траст, строго отделяется от имущества самого доверительного собственника, так что даже в случае его банкротства оно не включается в конкурсную (ликвидационную) массу. Доверительный собственник также не вправе приобретать в собственность имущество, которым он владеет в силу договора об учреждении траста, до момента прекращения указанного договора (п. 12).

Поскольку Указ о трасте предусматривал «передачу в траст исключительно пакетов акций акционерных обществ, созданных при приватизации государственных предприятий», то это типичный инновационный проект, выделяющий «свободную экономическую зону» за рамками гражданского законодательства. Тот факт, что траст предполагалось использовать как инструмент приватизации (в качестве бенефициария должен был выступать исключительно федеральный бюджет — п. 21 Указа о трасте) существенно сужает сравнительно-правовое зна-

¹ Высокую оценку конструкции траста в России дает М. Лупой (Lupoi M., *Op. cit.*, p. 311–312), хотя и отмечает недостаточную проработку деталей (*ibid.*, 288–289). Иное мнение у Дж. Кордеро Мосс, которая, указывая на недостаточность средств защиты бенефициария, делает вывод об искусственной и поверхностной имитации в Указе № 2296 отдельных элементов иностранного института. См.: Cordero Moss G. *Lectures on Comparative Law of Contracts*. Oslo. 2004. P. 36.

чение российского опыта как формы рецепции института в гражданско-правовой системе» [1, с. 251–286].

Конструкция траста, содержащаяся в Указе о трасте, последовательно воспроизводит следующие типичные и необходимые его черты [1, с. 251–286]:

1) *Односторонний характер учредительного акта, которым является акт публичной власти.* Проведение реформ в части изменения форм собственности: трансформация государственной собственности происходила путем последовательного внесения изменений в Конституции СССР 1977 г. и РСФСР 1978 г. и разграничения государственной собственности, личная собственность советских граждан не упоминается в законодательстве РФ,

2) *Переход собственности к управляющему трастом и утрата учредителем каких-либо прав на имущество траста, обособление имущества, переданного в траст от имущества самого управляющего.*

Многонациональный народ, указанный в Конституциях РСФСР и СССР, имел правовую связь с РСФСР и СССР (гражданство). После возникновения в правовом пространстве Российской Федерации, правовая связь на основании Закона РФ от 28.22.1991 № 1948-I «О гражданстве Российской Федерации», была изменена на связь с РФ, то есть актом публичной власти в одностороннем порядке произведена замена гражданства РСФСР и СССР на гражданство РФ.

Поскольку в силу перечисленных выше положений Конституций РСФСР и СССР собственником государственной собственности является многонациональный народ РСФСР и СССР, и отсутствие упоминания такового в Конституции РФ, уставах субъектов РФ (на примере Сахалинской области), муниципальных образований РФ, но введение при этом права частной собственности и права собственности на доли участия, пай в уставных (складочных) капиталах организаций, созданных за счет государственной собственности, а также, поскольку созданы правовые механизмы по управлению государственным имуществом посредством деятельности государственно-публичных образований РФ, то это означает, что многонациональный народ РСФСР и СССР, утратив прежний статус собственника, обладает иным набором прав собственника в отношении государственного имущества.

Государственное имущество передается в управление субъектам частного права — РФ, субъектам РФ, муниципальным образованиям, гражданам РФ и физическим лицам в форме прав на объекты государственной собственности, тогда как граждане РСФСР и СССР пользовались, например, жилыми помещениями, земельными участками и могли иметь в личной собственности дома (ст. 13 Конституции РСФСР).

Юридические лица и граждане РФ обладают правом собственности. Заключая сделки, предметом которых являются права на объекты, юридические лица, граждане РФ, а также органы государственной власти и местного самоуправления РФ, действующие от имени государственно-публичных образований, управляют правом собственности, но не собственностью — предметами материального мира.

Такое обособление имущества и прав собственности на него в конструкции траста сопровождается специальной квалификацией *личности управляющего*, которому *отказывают в наличии собственных интересов и ставят на службу другому лицу*. Особый характер положения управляющего в отношении переданного в траст имущества согласуется с изъятием его личности из гражданского оборота и заменой ее на «должность», особую роль «доверительного собственника».

Учитывая изложенное, управляющими трастом или доверительными собственниками являются Российская Федерация, субъекты Российской Федерации, муниципальные образования, юридические лица и человек, у которого изъята личность в части гражданства РСФСР и СССР и заменена на «должность» гражданина Российской Федерации и физического лица.

Указанные лица в результате изменений основных законов и законодательства в отношении преобразований форм государственной собственности стали обладателями прав на нее. При этом жители территории СССР и РСФСР утратили имущество государственной собственности в значении собственника достояния, принадлежавшего советскому народу.

В связи с тем, что изменено государственно-публичное образование с РСФСР на РФ, установлена правовая связь с ним актом публичной власти, но как земля, предметы материального мира, так и их обладатели — жители земли с правовой связью с РСФСР и СССР (советский народ), оставаясь неизменными в своём физическом местонахождении и пребывании, последние, имея права на собственность в форме доверительной собственности, являются её учредителями.

Таким образом, наделенные полномочиями собственника государственной собственности, находящейся в управлении РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, юридических лиц, граждан РФ и физических лиц, люди с правовой связью с РСФСР и СССР (советский народ), являются учредителями доверительного (трастового) имущества — государственной собственности РФ.

3) *Отсутствие представительских отношений, отстранение учредителя от управления трастом.*

По условиям Указа о трасте на доверительного собственника возлагается неограниченная ответственность по обязательствам, возникающим у него в связи с исполнением договора об учреждении траста (п. 13 Указа о трасте), что принципиально отличает его от лица (поверенного и т. п.), действующего в режиме прямого представительства.

Особенностью права пользования является его функциональность, выражающаяся в возможности передавать его одновременно разным лицам — доверительным собственникам, которые пользуются и управляют доверительной собственностью. Основные обязанности доверительных управляющих или доверительных собственников в таком случае заключаются в надежном и безопасном хранении трастового имущества, правильно инвестируя в него и распределяя его.

Граждане РФ, являясь акционерами и учредителями организаций, владеют ценными бумагами и долями, которые подтверждают право на часть уставного капитала, находящегося в управлении юридического лица. Учредитель (многонациональный народ с правовой связью с РСФСР и СССР) доверительной собственности не принимает участие в пользовании предметами материального мира — имуществом, входящим в состав государственной собственности, которая в результате процедур приватизации в виде пакетов акций, паев в уставных (складочных) капиталах организаций оказалась в руках держателей акций и долей.

4) *Отсутствие обязательственных отношений между управляющим и бенефициарием.*

РФ, субъекты РФ, муниципальные образования, граждане РФ, юридические лица не связаны обязательствами с обладателями прав на акции, паи в уставных (складочных) капиталах организаций, созданных за счет государственной собственности, — акционерами, участниками обществ, которые получают доходы от оборота государственного имущества в виде прибыли, распределяемой на выплату дивидендов или остающейся нераспределенной в распоряжении юридических лиц. Обязанность возникает лишь у граждан РФ и юридических лиц перед РФ в виде уплаты налога с полученного дохода (дивидендов и прибыли).

Соответственно, бенефициары, в первую очередь — это должностные лица государственных органов Советского Союза и РСФСР, занявшие должности в Государственном комитете Российской Федерации по управлению государственным имуществом, председателем которого являлся А. Б. Чубайс, комитетах по управлению имуществом республик в составе Российской Федерации, края, области, автономной области, автономного округа, должности в Российском фонде федерального имущества, фондах имущества республик в составе РФ, краев, областей, автономной области, автономных округов, городов и районов, должности директоров новых созданных юридических лиц на основе имущества трестов, которые в Советском Союзе не были имущественно обособлены от государственных органов СССР и т. д.

Законодательство РФ допускает владение гражданскими и муниципальными служащими ценными бумагами, предусматривая, однако, обязанность передавать на время замещения должности находящиеся в их собственности ценные бумаги (доли участия, паи в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в соответствии с гражданским законодательством РФ (см., например, п. 2 ч. 4 ст. 6 Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» в части такой обязанности члена Правительства РФ).

К бенефициарам сейчас относятся кредиторы организаций, созданных за счет имущества государственной собственности, именуемые инвесторами. Последние напрямую не участвуют в управлении указанными организациями, но заинтересованы в получении дохода от вложенных в них, а фактически — в государственную собственность, средств.

5) Связанность доверительного собственника положениями учредительного документа, его подчиненность интересам бенефициария.

Указ о трасте предусматривает заключение договора об учреждении траста. Подчиненность граждан РФ, юридических лиц, муниципальных образований, субъектов РФ и РФ как субъектов частного и публичного права положениям Конституции РФ и изданных во исполнение основных конституционных начал федеральным конституционным законам, федеральным законам, нормативным правовым актам РФ позволяет сделать вывод о том, что Конституция РФ является документом, устанавливающим (учреждающим) основные правила взаимоотношений по управлению государственной собственностью. Вовлеченность перечисленных субъектов в систему управления государственной собственностью, приносящей доход инвесторам, владельцам ценных бумаг организаций, свидетельствует о подчинении первых интересам последних посредством исполнения Конституции РФ и нормативных правовых актов РФ.

б) *Полная ответственность управляющего за нарушение траста, высочайшая степень защиты интересов бенефициария.*

Исполнение обязанностей граждан РФ, физических, юридических лиц возложенных на них Конституцией РФ, гарантируется мерами ответственности, приводящихся в исполнение правовыми механизмами принудительного воздействия.

Таким образом, государственно-правовой формой Российской Федерации по содержанию является траст, где субъекты, наделенные полномочиями собственника государственной собственности, находящейся в управлении РФ, субъектов РФ, муниципальных образований, юридических лиц, граждан РФ и физических лиц, выполняют функции доверительного управляющего (доверительного собственника), руководствуясь положениями Конституции РФ и изданных во исполнение основных конституционных начал федеральных конституционных законов, федеральных законов, нормативных правовых актов РФ, в интересах инвесторов, владельцев ценных бумаг, паев (бенефициары) в уставных (складочных) капиталах организаций, созданных в результате трансформации форм государственной (общенародной) собственности. При этом собственниками и одновременно учредителями доверительного (трастового) имущества — государственной собственности РФ — являются жители России с правовой связью с РСФСР и СССР (советский народ).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дождев, Д. В. Международная модель траста и унитарная концепция права собственности // Работа впервые опубликована в издании: Человек и его время: Жизнь и работа Августа Рубанова / Сост. и отв. ред. О. А. Хазова. Москва: Волтерс Клувер, 2006. — С. 251–286.
2. Дозорцев, В. А. Принципиальные черты права собственности в Гражданском кодексе // Гражданский кодекс России. Проблемы. Теория. Практика. Сборник памяти С. А. Хохлова / под ред. А. Л. Маковского. — Москва, 1998. — С. 241.
3. Касаткина, А. С. Некоторые вопросы применимости конструкции завещательного траста в российском правопорядке / А. С. Касаткина, Д. М. Максимов // Законодательство. — 2017. — № 10.
4. Конституция Союза Советских Социалистических Республик от 07.10.1977 (в ред. Закона СССР от 21.12.1989 № 974-1) // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. — 1977. — № 41. — Ст. 617.
5. Конституция Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12.04.1978 (в ред. Закона РФ от 09.12.1992 № 4061-1) // Ведомости ВС РСФСР. — 1978. — № 15. — Ст. 407.
6. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
7. О внесении изменений в Устав Сахалинской области: закон Сахалинской области от 14.10.2005 № 67-ЗО. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

8. О внесении изменений в Устав Сахалинской области: закон Сахалинской области от 26.10.2009 № 94-ЗО. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
9. О внесении изменения в статью 28 Устава Сахалинской области: закон Сахалинской области от 23.09.2013 № 88-ЗО. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
10. О внесении изменений в Устав Сахалинской области: закон Сахалинской области от 09.06.2022 № 41-ЗО. — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
11. О гражданстве Российской Федерации: Закон РФ от 28.11.1991 № 1948-1 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. — 1992. — № 6. — Ст. 243.
- О доверительной собственности (трасте): указ Президента РФ от 24.12.1993 № 2296 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. — 1994. — № 1. — Ст. 6.
12. О Правительстве Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ // СЗ РФ. — 2020. — № 45. — Ст. 7061.
13. О приватизации государственных и муниципальных предприятий в Российской Федерации: закон РФ от 03.07.1991 № 1531-1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 27. Ст. 927.
14. О разграничении государственной собственности в РФ на федеральную собственность, государственную собственность республик в составе Российской Федерации, краёв, областей, автономной области, автономных округов, городов Москвы и Санкт-Петербурга и муниципальную собственность: постановление Верховного Совета Российской Федерации от 27.12.1991 № 3020-1 // Ведомости СНД и ВС РФ. — 1993. — № 2. — Ст. 55.
15. Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) РСФСР: Закон РСФСР от 15.12.1990 // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. — 1991. — № 29. — Ст. 395.
16. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // СЗ РФ. — 2003. — № 40. — Ст. 3822.
17. Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации: Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ // СЗ РФ. — 2021. — № 52 (часть I). — Ст. 8973.
18. Об организационных мерах по преобразованию государственных предприятий, добровольных объединений государственных предприятий в акционерные общества: указ Президента РФ от 01.07.1992 № 721 // Собрание актов Президента и Правительства РФ. — 1992. — № 1. — Ст. 3.
19. Об учреждении поста Президента СССР и внесении изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) СССР: Закон СССР от 14.03.1990 № 1360-1 // Ведомости СНД СССР и ВС СССР. — 1990. — № 12. — Ст. 189.
20. Устав городского округа «Город Южно-Сахалинск» (утв. решением Городского Собрания городского округа «Город Южно-Сахалинск» Сахалинской области от 22.02.2006 № 180/13-06-3) — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
21. Устав Сахалинской области от 09.07.2001 № 270 (принят Сахалинской областной Думой 28.06.2001) — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
22. Устав Углегорского городского округа (утв. Решением Собрания Углегорского муниципального района Сахалинской области от 16.03.2017 № 354) — Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Tolmacheva E. N.

*Lawyer, Member of the Sakhalin Bar Association,
Graduate student of the Institute of Public Service and Management RANEPa, Moscow, Russia*

THE STATE-LEGAL FORM OF RUSSIA OF THE LATE XX — EARLY XXI CENTURIES.
THROUGH THE PRISM OF TRANSFORMATION OF LEGAL RELATIONS
OF STATE (PUBLIC) PROPERTY

The article analyzes the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the Charter of the Sakhalin region, the Charters of municipalities of the Sakhalin region for amendments to the management of state and municipal property. The author comes to the conclusion that the consequences of the reforms of the 1990s. with state property, there was no mention of the owner, owners of state property of Russia, state property of the subjects of the federation and property of municipalities in the Constitution of the Russian Federation, regulatory legal acts of the subjects of the Federation and municipalities.

Key words: dormitory state property; trust; USSR; soviet people.

УЧЕБНО-НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ КАК НОВЫЙ ФОРМАТ ПОДАЧИ УЧЕБНОГО МАТЕРИАЛА В ВУЗЕ

Продолжая поиск эффективных форм преподавания специальных дисциплин и в целях повышения мотивации учащихся к углубленному изучению будущей специальности (что предполагает, в том числе, расширение общего профессионального кругозора), кафедрой уголовно-правовых дисциплин Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) был применен формат учебно-научной конференции, в который было облечено очередное лекционное занятие по дисциплине «Уголовный процесс» (для студентов третьего курса очной формы обучения).

В рамках такой «конференц-лекции» рассматривалась тема, посвященная порядку действий уполномоченных субъектов при окончании предварительного расследования. Внимание студентов решено было привлечь к возможностям прокурора противостоять некачественному расследованию уголовных дел на данной стадии уголовного процесса. Учебная конференция получила название «Полномочия прокурора на этапе предварительного расследования».

Участие в учебно-научном мероприятии по приглашению кафедры приняла В. А. Новикова, которая на протяжении более восьми лет осуществляла прокурорский надзор за деятельностью органов, занимающихся предварительным следствием и дознанием, а также поддерживала государственное обвинение в суде, являясь прокурором Сочинской городской прокуратуры. Поскольку в настоящее время Виктория Александровна, работая адвокатом, представляла Хостинский филиал Краснодарской краевой коллегии адвокатов, она выступала в качестве эксперта хорошо разбирающегося в специфике уголовного судопроизводства как со стороны обвинения, так и со стороны защиты.

В ходе конференции острая полемика развернулась при обсуждении доклада о противодействии в ходе предварительного расследования защитника стороне обвинения (докладчик — Иван Плешаков). Хорошо подкрепленным примерами из практики стало выступление третьекурсника Владимира Кешишяна о системных отступлениях от требований процессуального закона в ходе предварительного расследования, являющихся основанием возвращения прокурором уголовных дел для производства дополнительного расследования. Комментируя допускаемые следователем и дознавателем процессуальные ошибки в процессе расследования уголовных дел, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Сергей Георгиевич Пильников дополнил перечень наиболее часто встречающихся при этом ошибок, сведениями из собственного опыта многолетней работы в качестве следователя и руководителя следственного органа. А В. А. Новикова, со своей стороны, проанализировала комплекс причин признания прокурором доказательств недо-

пустимыми (что влечет за собой возвращение уголовных дел на дополнительное расследование).

С неподдельным интересом были выслушаны и другие сообщения студентов, которые затрагивали ряд значимых вопросов в контексте темы занятия, среди которых:

— полномочия прокурора при осуществлении надзора за органами, осуществляющими предварительное расследование, до реформы УПК РФ (докладчик — Алина Соколова);

— утраченные полномочия прокурора по осуществлению данного вида надзора в результате реформы уголовно-процессуального законодательства (докладчик — Анастасия Байрикова);

— действия и решения прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным заключением (докладчик — Малик Накохов);

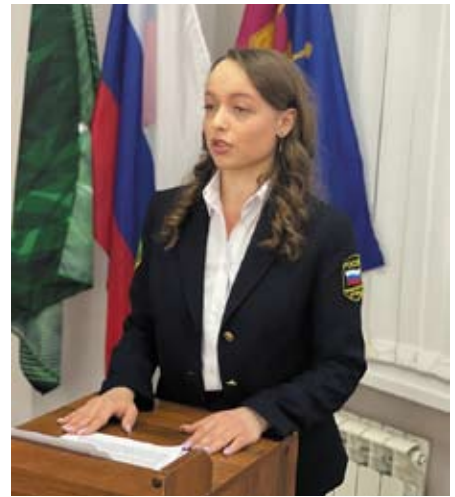
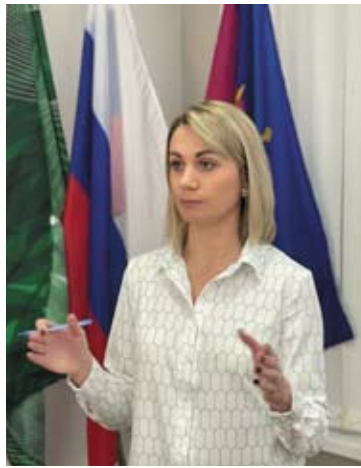
— различия в полномочиях прокурора по результатам проверки материалов уголовных дел, оконченных расследованием в форме сокращенного дознания и дознания в общем порядке (докладчик — Милана Кайтукова).

При обсуждении выступлений по некоторым вопросам мнения участников конференции существенно разошлись. Так, разделились позиции — на сторонников и противников инициативы — по проблеме включения в число поводов для возбуждения уголовного дела обособленного повода в виде постановления прокурора о направлении соответствующих материалов в органы предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Материал по данной проблематике был раскрыт в выступлении Анны Юриной, исследовавшей воззрения правоведов и правоприменителей по поводу целесообразности учета такого повода в современном отечественном уголовно-процессуальном законодательстве.

С помощью нового формата лекции — учебно-научной конференции — студенты получили возможность освоить знания по изучаемой дисциплине на основе самостоятельного, более глубокого изучения конкретной проблемы, а также комментариев юристов-практиков (рассказавших присутствующим об особенностях видения уголовного судопроизводства с двух противоположных сторон — стороны обвинения и стороны защиты). Представляется, что такой подход к подаче учебного материала позволяет сформировать у учащихся вкус к приобретению энциклопедических знаний; выработать навык самостоятельного определения и отстаивания позиции; развить способность оценивать ситуацию с разных сторон, одновременно постигая теорию, нормативно-правовую базу и правоприменительную практику. Конечно, не менее важным можно считать и тот факт, что, участвуя в конференц-лекциях, студенты получают возможность отточить умение грамотно, емко и точно излагать свои мысли, ярко демонстрировать свою компетентность, ведь в конечном счете именно эта задача стоит перед системой высшего (тем более высшего юридического) образования.

В завершение конференции участники мероприятия получили из рук экс-прокурора прокуратуры г. Сочи сертификаты и поучаствовали в импровизированной фотосессии.

*А. Н. Ратков, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Сочинского филиала Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), к. ю. н., доцент*

ГОТОВЯТСЯ К ВЫПУСКУ СБОРНИКИ НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Авторские работы, опубликованные в сборниках, будут направлены в РИНЦ.
Издания снабжены ISBN и полным кломплектом библиографических метаданных.
Дата выхода: апрель 2023 г.

Принимаются работы, посвященные проблемам лингвистики и лингвокультурологии, теории и истории языка; исследованиям в области литературоведения; изучению взаимовлияния литературных и культурных традиций; путям совершенствования педагогического мастерства и образовательных технологий в сфере преподавания языковых дисциплин; теоретическим и прикладным аспектам изучения речевой деятельности, языка и культуры, анализа художественного текста; практике перевода, а также дидактическим аспектам переводческой деятельности.

Сборник будет включать в себя избранные авторские научные исследования в сфере изучения эффективных методов администрирования, бюджетирования и анализа хозяйственной деятельности в контексте функционирования экономических систем макро- и микроуровня. Отдельное внимание уделено вопросам оценки бизнес-проектов, правового регулирования деятельности хозяйствующих субъектов разных форм собственности, а также применения новых технологий в управленческом учете и аудиторской практике.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАПРАВЛЯЕМЫХ СТАТЕЙ:

- шрифт — Times New Roman;
- размер страницы — А4, ориентация листа — портретная;
- объем — до 10 стр.;
- размер (кегель) шрифта текста статьи – 14 пунктов;
- междустрочный интервал – одинарный;
- поля страницы — 2 см по периметру (одинаковые по всем четырем сторонам);
- выравнивание текста статьи выполняется по ширине (по формату);
- абзацный отступ — 1–1,25 см;
- страницы должны быть пронумерованы (колонцифра располагается внизу страницы);
- в тексте должен присутствовать корректный перевод на английский язык блоков метаданных: «Аннотация», «Ключевые слова», авторских сведений (Ф.И.О., уч. степень и звание, место работы (учебы), статус учащегося: студент, магистрант и пр.) и названия статьи.
- список использованных источников должен быть приведен в алфавитном порядке.

Вопросы, заявки и материалы следует отправлять на e-mail: sputnik-nauki@yandex.ru

Порядок предоставления материалов для публикации в журнале «СВШ»

Статья направляется в редакцию издания по электронной почте самим автором или уполномоченным автором (в случае коллективного авторства статьи).

Адрес электронной почты редакции: sputnik-nauki@yandex.ru.

Плата за опубликование статьи в журнале с авторов не взимается, кроме случаев, когда автору необходимо оказание дополнительных редакционно-издательских услуг.

Перечень платных услуг редакции см. на последней странице номера.

Подробные рекомендации по оформлению направляемой статьи — см. на сайте издания, в разделе «Авторам»: <https://sputnik-nauki.ru/avtoram>.

В комплект файлов заявки входят:

- файл авторской анкетной формы;
- файл статьи;
- файлы иллюстраций (при наличии): схемы, фотографий, таблиц — допустимые форматы указаны в разделах «Оформление иллюстраций» и «Оформление таблиц»;
- файлы дополнительных шрифтов (при необходимости, если в тексте используется не только гарнитура Times New Roman).

Наименование файла статьи должно состоять из сочетания фамилии, инициалов автора (первого автора, если над статьей работал авторский коллектив) и указания жанра материала (статья, рецензия, обзор и пр.), разделенных знаком нижнего подчеркивания: «Петров_А_А_статья.doc» или «Иванов_И_В_рецензия.doc».

Материалы направляются в электронном виде в формате текстового редактора MS Word, TextMaker или OpenOffice (расширения doc, docx, odt или rtf).

Объем статьи не должен превышать 45 тыс. знаков (с пробелами) без учета сносок и иллюстраций.

Характеристики форматирования авторского текстового оригинала:

- шрифт — Times New Roman;
- размер бумаги — А4;
- ориентация листа — портретная;
- размер (кегель) шрифта текста статьи — 14 пунктов;
- междустрочный интервал — полуторный;
- поля страницы — 2 см по периметру (одинаковые по всем четырем сторонам).
- выравнивание текста статьи выполняется по ширине (по формату);
- абзацный отступ — 1 см (исключая заголовки, формулы и иной текст, выровненный по центру листа);
- страницы должны быть пронумерованы (колонцифра располагается в нижнем поле страницы, по центру).
- в случае использования в тексте публикации символов из других шрифтовых гарнитур (не Times New Roman) файлы используемых нестандартных шрифтов (только ttf или otf) следует приложить к оригиналу статьи.

Услуги, предоставляемые редакцией на платной основе (по запросу автора)

- обработка статьи в соответствии с редакционными требованиями (включая подбор УДК);
- редакторские услуги (литературная правка текста статьи);
- корректорская вычитка текста статьи;
- приведение библиографического списка статьи в соответствие с действующими издательскими стандартами;
- подготовка аннотации, ключевых слов, оформление титульной страницы статьи на русском и английском языках;
- текст рецензии на статью в электронном виде;
- авторское свидетельство о публикации статьи;
- печатный экземпляр издания.

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 52–56, пом. 22.

Тел.: 8 (863) 241-37-43, 246-08-68.

E-mail: sputnik-nauki@yandex.ru, <https://sputnik-nauki.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Регистрационный номер: Эл №ФС77-81697 от 19.08.2021 г.

ISSN 2782-5647. Выходит ежеквартально.

Главный редактор — Д. В. Нефёдов.

Корректор — П. В. Багров.

Дизайн-модель издания — © Д. В. Нефёдов

Верстка — издательство «Профпресслит», www.profpreslit.ru

Отпечатано в редакционно-издательском комплексе «Профпресслит».

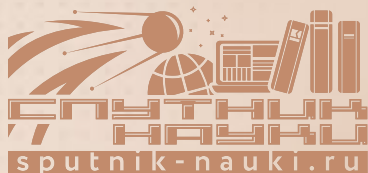
Сдано в набор 24.01.2023. Подписано в печать 31.03.2023. Формат 64x80/8.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура Minion Pro.

Усл. печ. л. 8,2. Тираж 100 экз.

Любая перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикаций

№ 2 (13) / 2023

ISSN 2782-5647

СПУТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ

межвузовский научный журнал

> Sputnik Vysshey Shkoly
(Higher School Companion)
Journal

Выпуск

Современное право: проблемы и тенденции

Modern Law: Problems and Tendencies

- ГРАЖДАНСКОЕ, АДМИНИСТРАТИВНОЕ И УГОЛОВНОЕ ПРАВО
- АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС
- ФИНАНСОВОЕ И НАЛОГОВОЕ ПРАВО
- ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА
- КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО
- НОТАРИАТ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
- ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ
- КРИМИНОЛОГИЯ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
- ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР
- ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ИТ-СФЕРЕ

<https://sputnik-nauki.ru>